

Вероника
Мелан

ДЕЛЛ

Другие миры (АСТ)

Вероника Мелан

Дэлл

«Вероника Мелан»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мелан В.

Дэлл / В. Мелан — «Вероника Мелан», 2016 — (Другие миры (АСТ))

ISBN 978-5-17-097300-2

Ночь. И военный нож, найденный в кювете, со странными цифрами над его поверхностью. Они похожи на... телефонный номер? Позвонив по этому номеру, Меган Райз совершенно не ожидала, что получит в полное свое распоряжение высокого и красивого мужчину. Дэлл Одриард готов исполнять любое желание владельца ножа, ведь это его персональное наказание – быть рабом до тех пор, пока хозяин не вернет ему нож по доброй воле. Меган готова вернуть Дэллу нож. Но с одним условием...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097300-2

© Мелан В., 2016
© Вероника Мелан, 2016

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	39
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Вероника Мелан

Дэлл

© В. Мелан, 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

Лежать, уткнувшись лицом в мокрую траву, – неприятное ощущение. Лежать, уткнувшись лицом в траву, в грязном кювете, ночью, под дождем, когда по волосам и шее, пропитывая джинсовую куртку насквозь, стекает холодная вода, – ощущение отвратительное.

Сырая земля пахла корнями.

Стараясь успокоить свистящее дыхание, я закрыла глаза и зажмурилась, мечтая, как камелеон, слиться с травой, а еще лучше провалиться в землю метра на полтора.

Успеется.

Топот приближался. Незнакомый мужской голос закричал, что «девчонка, должно быть, побежала в сторону парка» (куда же еще?), и преследователи – четверо неприглядного вида подвыпивших мужчин из соседнего бара, – оглядываясь по сторонам, на короткий миг при тормозили напротив того места, где я скользнула сквозь кусты в кювет.

Если обнаружат – выволокут, пьяные гады, измучают тело и наплюют в душу.

Ну почему? Сколько раз зарекалась не ходить короткой дорогой мимо питейных заведений, где любая особа женского пола неизменно привлекает внимание. Тем более одинокая особа. Да, намокшие волосы, да, ни грамма косметики, да, худая как палка, и все равно ведь прицепились. Не учли только, что некоторых жизнь учила бегать быстро. Как раз для таких вот случаев.

Когда кусты затрещали совсем близко, я начала судорожно ощупывать землю в поисках какого-нибудь камня, а лучше булыжника, чтоб уж наверняка. Чтоб только не без боя. Но в траве, как назло, попадалась только мелкая грязная галька – такой разве что из рогатки в глаз. Ну хоть прут, хоть осколок стекла, хоть что-нибудь – канава ведь! Может, железка или палка...

Ладонь неожиданно наткнулась на что-то острое, заставив поморщиться от укусившей палец боли. Не обращая на нее внимания, я схватила холодный и скользкий от влаги предмет, приподняла голову и поднесла к глазам. Милостивый боже... Нож! Чей-то потерявшийся нож! Мокрый, покрытый грязью, но все еще бритвенно острый. Значит, есть на небесах тот, кто слышит! Окоченевшие от холода пальцы тут же стиснули рукоять ценной находки.

Только бы пронесло. Много раз уже проносило. Только бы и теперь...

Мужики пошуршали кустами, поматерились, но в кювет лезть не рискнули – видимо, предположили, что и добыча не стала бы мараться на грязных обочинах. Порычали друг на друга и разбежались осматривать окрестные дворы и переулки.

Я выдохнула с облегчением и уткнулась лбом в землю.

Ступни онемели не то от холода, не то от напряжения, куртка разбухла и отяжелела, впитав в себя сотни дождевых капель.

Чертова жизнь.

Подниматься не хотелось. Заснуть бы здесь уже навеки – к утру проблем было бы меньше.

Пришлось сделать усилие, чтобы вновь поднять голову.

Если пробираться сначала канавами, а потом темными заброшенными переулками, вечно зыркавшими на одиноких путников злыми жадными глазами, то через сорок минут получится добраться до дома. Поганая окраина Солара – большого, красивого, сверкающего Солара, что любит роскошь и пренебрежительно отворачивается от беспородного сброда, затерявшегося где-то там, подальше от глаз, в грязи и суете. Этот город-сказка, подобно ледяной бездушной королеве, любил богатых и презирал нищих. Не можешь выбраться наверх? Умри!

Я вздрогнула от холода, что пробрал до самых костей. Если сейчас же не согреться – простыну, а лечиться при отсутствии денег на еду и медикаменты проблематично.

Лезвие ножа чиркнуло о мелкий камешек, когда я поднялась на колени. Эту вещь лучше взять с собой – кто знает, что там впереди?

Дрожа всем телом, перевернулась, съехала до самого дна сточной канавы, скользя подошвами ботинок по траве, кое-как поднялась на ноги и зашлепала по текущей внизу мутной воде по направлению к дому.

Холодно. И до противного мокро.

Но бывало и хуже.

Часть первая

Глава 1

Дождь монотонно стучал по подоконнику; единственное в комнате окно покрылось мокрыми дорожками. Сырая, крохотная, полутемная и неудобная квартира неизменно пахла плесенью и нагоняла тоску. По крайней мере, она была, эта квартира, купленная еще в те далекие времена, когда существовал отряд «Кину», когда работа позволяла что-то накопить, когда жизнь была другой – не такой тоскливой, как теперь.

Давно. Как же давно...

Да, плохая однокомнатная квартира без ванной комнаты и кухни, расположенная в полуподвале, – не большое жизненное достижение, но все-таки какие-никакие, а четыре стены и крыша, укрывающая от непогоды. Спасибо, есть маленький туалет и квадратная металлическая раковина в углу; на месте зеркала лишь потемневшая штукатурка – жаль, но ведь зеркало не главное.

Я лежала в темноте, закрыв глаза, на жесткой скрипучей кровати с тонким протертым матрасом и слушала перестук капель, тщетно пытаюсь отогреться под тонким одеялом. Болело ушибленное колено, пульсировал на пальце порез. Вновь навалилась усталость и удушающая, ноющая безысходность.

Еще один прожитый день в раю... На сколько меня хватит?

Хорошо бы встать, помыть голову и промыть рану, но для этого придется греть на единственной плитке старый почерневший чайник, тратить электричество, а в конце месяца искать деньги на его оплату. Проще завтра, при свете дня, а сейчас бы согреться и поесть, но ни первое, ни второе неосуществимо. Приземистый дребезжащий холодильник, оставшийся от прежних хозяев, пуст, а надвигающаяся ночь вытянет из продуваемой халупы остатки тепла. Отопления нет. Накопить бы когда-нибудь на второе одеяло...

Медленный вдох. Выдох.

Завтра, когда обрызгший Тони заплатит за сегодняшнюю вылазку, можно будет купить хлеба и сыра. Если не прикарманит половину выручки, то, возможно, останется на пачку чая и пару булочек – это временно заглушит терзающую желудок боль.

Шум дождя усилился.

За окном серела бетонная стена, окаймлявшая лестницу в полуподвал.

Вот и прошел еще один день, один день на опостылевшем тринадцатом Уровне.

Почтовый ящик, криво прибитый к деревянной входной двери, оказался пуст. Когда же придет разрешение о переходе на четырнадцатый?

Что вам нужно, гадам в серебристой форме, чтобы дать зеленый сигнал? Уже три года здесь... сколько еще?

Поговаривали, что на четырнадцатом хорошо. Другие города, чистые уютные улицы, меньше преступности, люди добрее. Правда ли? Жизнь не должна быть такой собачьей, по крайней мере, не у всех. Повезло тем, живущим в небоскребах из белого стекла на центральных проспектах Солара: в их квартирах красиво и тепло, там не нужно пересекать комнату на цыпочках и в три прыжка, лишь бы не отморозить ступни, – полы их апартаментов устилают ковры.

Сон тщетно силился сморить утомленное сознание – мешала продрогшая физическая оболочка и нытье в порезанном пальце.

Придется все-таки встать, обработать рану и вскипятить чай, иначе не уснуть. Я вздохнула, пытаясь перебороть вселенскую усталость, – *зачем я здесь... для чего... кому нужна такая жизнь?* – откинула одеяло и поднялась с постели.

Аптека на углу оказалась закрыта, и пластиковая белая коробочка, стоящая в тумбе, этим вечером не пополнилась новыми запасами медикаментов. В истрепанной бумажной упаковке нашлась последняя таблетка перекиси, я бросила ее на дно стакана с водой. Не зажигая свет, прошла до туалета, набрала в чайник воды, вернулась, поставила на маленькую плитку. Застыла у испещренного неровными потеками окна, глядя на сочившееся влагой тяжелое черное небо.

Темно, тихо, пусто. Сплошная усталость в душе и голод – бесконечные спутники обреченного на жалкое существование человека.

Бывали времена и получше.

Когда таблетка в стакане растворилась, я наконец включила свет. Закатала мокрые джинсы (холодно в них и еще холоднее без них), осмотрела расплывшийся на ноге синяк – колено я ударила после того, как вскрыла дверной замок и дала деру, позволив остальным орудовать в доме без меня, задела им о бетонный парапет, перепрыгивая. Ничего. Заживет.

Теперь порез...

Рана оказалась достаточно глубокой и до сих пор кровоточила; я сунула палец в стакан и поморщилась – хорошее, должно быть, лезвие у того ножа, если от одного касания вот так. Жидкость в стакане окрасилась в розовый.

Когда люди говорят «день не задался с самого утра», они чаще всего имеют в виду непрозвонивший будильник, пролитый кофе, порвавшиеся колготки, нежелательный звонок на мобильный или пробки по пути на работу. У меня не было ни будильника, ни кофе, ни колготок, ни машины, ни даже нормальной работы. Мобильник был: старый, с треснувшим экраном и заедающими кнопками; он же служил и будильником. Машину пришлось продать несколько месяцев назад, сразу после аварии, кофе я в последний раз пила у Саймона в гостях (*две? три недели назад?*), колготки вообще не использовала – зачем, если нет ни платьев, ни того, с кем ходить на свидания, а специфика работы требовала лишь неприметной и удобной одежды в гардеробе? Косметика, колготки, фены, бигуди – подобные вещи нужны женщинам, ведущим нормальный образ жизни, а не локерам, которые официально числятся на должности секретаря, а на деле выполняют разовые нелегальные заказы по вскрытию замков.

Я поджала губы.

Мой день считался удавшимся, когда в желудок попадала хоть какая-то еда, на теле вечером оказывалось меньше трех ран, а за окном стояло тепло, что позволяло заснуть, не лязгая от холода зубами.

Все, хватит сантиментов: чай и в постель. Еще одна ночь, еще один день, такой же бесполезный, как и предыдущий. Завтра к Тони на поклон, после работы в офисе – аптека и магазин. А вечером в почтовом ящике, может быть, появится заветная бумага о разрешении перехода.

Надейся.

«А на что еще надеяться?» – огрызнулась я самой себе.

К тому моменту, когда перестал кровить палец, чайник согрелся. В крохотном облупившемся шкафчике, прибитом к стене над плиткой, нашлась пачка чая с тремя пакетиками – один тут же отправился в кипяток. Вот оно, драгоценное тепло. Желудок обиженно буркнул.

Да, не еда. Еда будет завтра.

Первый глоток немилосердно обжег горло, пришлось добавить в кружку холодной воды из бутылки.

За окном не на шутку разбушевалась непогода. Лило как из ведра: стекло жестко хлестали дождевые струи. Палец болел не так сильно; я еще раз посмотрела на порез и вдруг вспомнила о ноже, оставленном на полу у порога. Надо бы взглянуть на него поближе, стодитесь ли в повседневной работе? Если нет, всегда можно оставить дома или подарить.

Нож нашелся на прежнем месте – справа от мокрых ботинок (*черт, не просохнут до завтра...*); я нагнулась и взяла его в руки. Тяжелый, средней величины, с отформованной под пальцы рукоятью, широким недлинным лезвием. Наверное, военный. Хорошая находка; с назначением можно определиться позднее, сейчас – отмыть: серебристый металл едва проматривался под слоем грязи и налипшей травы.

Я вздохнула – сегодня свет в квартире горел неприлично долго (*снова распухнет счет за электричество*) – и отправилась в туалет, к раковине.

Вот уже несколько минут я, не отрываясь, смотрела на лезвие, начисто забыв о зажженном свете и голоде.

Нож.

Он был бы обычным ножом, если бы не одна маленькая деталь – телефонный номер на его поверхности. Точнее, *над* его поверхностью. Стоило повернуть лезвие немного вбок, как цифры вспыхивали и гасли, отчетливые и различимые.

Голограмма.

Голограмм в своей жизни я знала несколько видов: на дорогих рекламных щитах, упаковках запрещенных медицинских препаратов и Комиссионных печатях. Кто, а главное, для чего мог создать такую над лезвием обычного ножа? Ну, хорошо, пусть не обычного, а тяжелого, красивого, в чем-то уникального, но *ножа*.

Загадочная находка, которую я, отмыв, сначала тщательно изучила с помощью увеличительного стекла, теперь лежала на кровати, молча храня свои секреты. То, что ряд вспыхивающих цифр над поверхностью не являлся ни шифром, ни комбинацией к сейфу, я поняла с первого взгляда: во-первых, настолько важную информацию никто не стал бы помещать в виде голограммы на подобный предмет, а во-вторых, за долгие годы работы с электронными замками я научилась распознавать кодированные данные. Нет, скорее, это был номер. Телефонный номер. Вот только зачем его нанесли на нож?

Время – одиннадцать вечера. По окну барабанили капли, чай был давно выпит, самое время лечь спать, а я все сидела на мятой постели, ощущая, как вверх по позвоночнику пробирается холодок.

Когда-то друзья из «Кину» научили меня работать с замками (*благослови небо их ушедшие души*) и теперь наверняка были бы разочарованы, узнай, на что именно я в последнее время растрчивала талант; видит бог, они были бы правы. Работать спасателем – совсем не то же самое, что работать вором. Вот только один принцип, став профессиональным локером, я не нарушала никогда – не брала чужого. Открывала двери? Да. Иногда даже сейфы. Но ни разу я не присвоила себе чужой вещи – на то был жесткий моральный запрет, удерживающий от падения на самое дно, спасающий остатки потрепанного самоуважения. В домах всегда работали другие, они же решали, что взять, а что оставить. Моя работа заканчивалась в тот самый момент, когда раздавался заветный щелчок (или писк, или сигнал), означающий, что проход открыт. Все. В этот самый момент я уносила ноги. Иногда целые, иногда расцарапанные, в синяках или порезах. Деньги за работу забирала у Тони, но только то, что мне причиталось за вскрытые замки, – никогда процент от потенциальной суммарной стоимости украденных вещей.

А теперь на моей кровати лежала чужая вещь, чуть ли не именная, и это напрягало. Такую невозможно было потерять по случайности или выбросить, за такой хозяин бы зорко следил, возможно, поставил бы внутрь маячок. А если так, значит, скоро в мою дверь могут постучать. Хотя... Нож не один день пролежал в канаве – это стало ясно при близком осмотре, – а хозяин за ним так и не вернулся. Значит, маячка нет.

Мысли путались.

Чтобы отвлечься, я встала с постели, стянула с ног сырые джинсы и повесила их на спинку стула, затем во второй раз за вечер поставила греться чайник. Вернулась на кровать, замотала ноги в одеяло.

Итак, что мы имеем?

Потерянную ценную вещь, которая кому-то была дорога, и телефонный номер ее владельца.

Возможно, не существующий более...

Возможно. Но если номер окажется действующим, хозяин может очень обрадоваться, узнав, что нож найден.

Обрадоваться настолько, что вознаградит за честность?

Или разозлится и надает по шее.

Ну, к последнему не привыкать...

Внутри против воли затеплилась надежда: вдруг, если позвонить, он (*она?*)... нет, скорее всего он, почувствовав прилив благодарности, даст, ну, пусть не тысячу или даже не сотню долларов, но хотя бы пятьдесят? Даже двадцать... Магазин на углу открыт до утра. Там есть сыр, хлеб, мясная нарезка, сок... шоколад.

Рот наполнился слюной.

Внутри тут же высунула личико маленькая Меган – ее обнадежило слово «шоколад».

Не смей надеяться.

Она обиженно почмокала губами и скрылась из поля зрения. Ей, мелкой, было все равно, что я, взрослая Меган Райз, должна, несмотря на трудности, оставаться рассудительной, логичной, уметь терпеть лишения и где-то постоянно (непонятно из чего) черпать силы на то, чтобы жить дальше.

Кроха, ты маленькая мечтательница. До сих пор веришь в доброту, в заботу, в сказки. Хочешь красивую квартиру вместо этой промозглой дыры, любишь смотреть на далекий ночной Солар и представлять себя живущей там, где тепло, где любят... Да, любят и понимают.

Я бы обняла ее, если бы могла, утешила бы, сказала, что все еще придет однажды, обязательно придет, но маленькая Меган уже ушла в недра сознания.

Стало грустно. Взгляд снова упал на нож; чайник на плите закипел. Рассерженно буркнул желудок – хоть бы кусок плесневого батона к чаю, но откуда? Если только позвонить... Позвонить по странному номеру, переливающимся на лезвии.

Но ведь на дворе почти ночь?

Ночь, которую придется провести в голодных судорогах, если не попробоват.

Что, действительно? Звонить непонятно кому и пытаться объяснить, что ко мне в руки по ошибке попал чужой предмет?

Я вздохнула, прижалась затылком к холодной стене и закрыла глаза.

Бездействие еще никогда не помогало выжить, а вот действие... Да, оно порой подводило под риск и заканчивалось плачевно, но изредка все же приносило доход, способный обернуться куском колбасы или сыра.

Я выругалась вслух.

И это на ночь-то глядя. Свихнулась я, должно быть, уже... Не хватало, чтобы меня еще и побили за кражу.

Одеяло резко отлетело в сторону. Стуча зубами теперь уже не только от холода, но и от волнения, я пересекла комнату, выключила плиту и застыла у стола, собираясь с силами. Ладно, пью чай, потом звоню.

И будь что будет.

* * *

Как сердце узнаёт, когда начинать бешено колотиться? Подумаешь, телефонная трубка в руках... Ведь ни единая цифра еще не набрана, всегда можно отступить – тогда зачем так стучать, как будто мир через секунду рухнет?

Ладони тоже дрожали.

Совсем нервы ни к черту.

Нож рядом, телефон в ожидании, пальцы медленно обводят плоские черные кнопки, не решаясь нажать.

Все, поехали. Если не сейчас, то уже никогда.

Ежесекундно сверяясь с голограммой, я принялась набирать номер – первый пик, пауза, еще два, снова пауза... восемь, девять, четыре, три, двадцать два, триста сорок пять. Когда раздался первый длинный гудок, трубку пришлось вжать в ухо, чтобы не выскользнула из трясущихся пальцев.

Что я делаю?.. Даже если ответят в двенадцатом часу, то сразу же пошлют и будут совершенно правы.

Второй гудок... Тишина. Третий. Казалось, все тело превратилось в единый ходящий ходуном пульс.

Наверняка номер заброшен, иначе каждый бы звонил... Настороженность сменилась сначала радостью, затем облегчением. Четвертый гудок. Все, уже не возьмут...

– Да.

В своей жизни я часто радовалась раздающимся щелчкам, означавшим «у меня получилось открыть замок», но именно этому щелчку, возникшему при соединении абонентов, я почему-то не обрадовалась совершенно. Ответивший голос принадлежал мужчине.

– Здравствуйте.

Только бы не лепетать и не заикаться, ведь я ничего не крала, я звоню по делу, по важному делу.

– Здравствуй.

Я прочистила горло.

– Простите, что беспокою вас в столь позднее время, но мне показалось, будет правильным позвонить вам.

Мужчина на том конце провода молчал. Определить, была ли тишина дружелюбной или враждебной, не представлялось возможным. Затем он спросил:

– Где ты взяла этот номер? Он не числится в телефонных книгах.

Обращение на «ты» вкупе с интонацией выдавало в собеседнике рассудительного, уверенного в себе человека. Хорошая и иногда опасная комбинация.

– Конечно нет, то есть... возможно, что нет, но он написан на той вещи, что я сегодня нашла. Именно поэтому я и звоню.

На этот раз секундная пауза дыхла холодом.

– Какой вещи? – Эти слова были произнесены медленно и настороженно, будто даже неохотно.

– На ноже.

На том конце повисла мертвая тишина. Ни дыхания, ни шума, ни слов.

Мой взгляд заметался с лежащего рядом ножа на темное окно и обратно. Затем на мокрые джинсы, висящие на стуле, на чайник, снова на нож – но я не видела ничего из того, на что смотрела.

Почему он молчит? Если у него никогда не было ножа, то почему бы не сказать об этом? Мол, гражданочка, что вы мелете? А если был, то почему бы не выказать облегчение?

В душу закралось нехорошее предчувствие – липкое, похожее на стягивающуюся пружину. Что-то шло не так.

– Я всего лишь подумала, что раз на ноже ваш номер, то...

– Я скоро буду у тебя. Жди.

Короткая фраза и череда коротких гудков сразу после.

Господи спаси!

Я ошалело посмотрела на телефон; выбросившаяся в кровь порция адреналина заставила тяжелый сердечный ритм перейти на бег.

Почему сразу у меня? И как скоро? Что вообще за странная реакция и не менее странный диалог? У МЕНЯ?! Я с ужасом смотрела на мобильник, экран которого уже погас. Мне все-таки надают по шее за кражу?!

Хотелось громко выругаться. Как он узнает, куда ехать? Ох, о чем это я – каждый, кто имеет доступ к телефонной базе, за минуту вычислит адрес.

Что я наделала? Кто толкал меня на этот звонок? Лежал себе нож и лежал, есть-пить не просил... нет же, давай позвоним, еще разок сыграем благородную роль, побудем честной...

Тихо! Без истерик.

Мысли тут же сиганули в сторону и затихли; в навалившейся тишине барабанный бой крови, отдающийся в ушах, зазвучал оглушительно.

Кем бы ни оказался незнакомец, он посмотрит телефонную базу, приедет и заберет нож. Всё.

Всё?

Да. Всё.

Не думая о том, что делаю, я положила телефон на кровать, подошла к стулу и принялась натягивать на ноги мокрые джинсы; от прикосновения холодной ткани кожа покрылась пупырышками.

Сколько теперь ждать, всю ночь? Пока отыщет адрес, пока подъедет, пока выслушает мой путанный рассказ...

Черт бы меня побрал! Оставила бы нож себе и уже спокойно видела бы десятый сон, так нет же...

Одевшись, я наскоро расчесала волосы, переложив нож с кровати на стол, заварила чай и погасила свет. На ощупь вернулась к столу, села на стул, обхватила пальцами горячую кружку и попыталась успокоиться.

Уснуť все равно не смогу. Буду ждать здесь.

* * *

Когда Дэлл Одриард, светловолосый мужчина, сидящий в кресле, отнял от уха телефон и медленно опустил руку, сохраняя непроницаемое выражение лица, его друг Мак Аллертон всерьез обеспокоился.

– В чем дело?

Костяшки пальцев Дэлла, держащего в руке бокал с коньяком, который они с Маком неспешно пили, беседуя о работе, побелели от напряжения, лицо окаменело, губы сжались, а в глазах застыло странное выражение.

– Седьмой, – после молчания ответил он.

Аллертон напрягся. Может, это не то, о чем он подумал?.. Вот только его обычно расслабленный спокойный друг редко выглядел так, значит, он не ошибся. То был седьмой человек, нашедший нож и позвонивший по поводу находки.

– Твою мать, – выдохнул Мак и потер темную щетину. Сложно было добавить что-то более емкое, учитывая глубину той ямы, в которой Одриарду, специалисту по взрывчатым веществам, работающему в отряде специального назначения, скоро придется оказаться. – Мужчина? Женщина?

– Женщина.

Дэлл на секунду прикрыл глаза, затем залпом осушил стакан, не желая даже думать о том, что это все-таки случилось снова. Блеснули в свете лампы дорогие серебристые часы на широком запястье. В жесткий взгляд закрались злость и неуловимая обреченность. Он усилием воли заставил себя разжать пальцы, чтобы бокал в руке не треснул.

От прикуренной стоящим напротив него Маком сигареты под потолком поплыл дым.

– Сколько времени прошло с последнего раза? – Аллертон – убийца на службе Комиссии, прозванный за особое умение ощущать жертв на расстоянии Чейзером, – прищурил зелено-коричневые глаза.

– Три месяца. Три месяца спокойной жизни... – Дэлл вдруг взорвался: – Я должен был забрать его из того кювета!!!

– Ты не мог! Не имел права.

Дэлл жестко выругался, намекая, в каком гробу он видел это и все остальные права. Мак понимал его – это ему предстояло остаться сегодня вечером в кабинете собственного дома, чтобы допивать коньяк, а после работать или отдыхать, в то время как его коллеге придется нестись на машине через ночь, чтобы убажить мелочное желание очередного идиота. Идиотки. Еще неизвестно, кто хуже, вдруг подумал Мак, – мужчины или женщины. Наверное, все-таки женщины. Представительницы слабого пола умели наилучшим образом давить на болевые точки, выворачивая на поверхность всю свою извращенность, которую зачастую скрывали за холеными лицами и длинными ресницами их умы. Алчные, похотливые, однажды дорвавшись до власти над другим человеком, жаждущие отыграться по полной.

Нет, был он вынужден признать, конечно, не все. Но те, что попадались на пути Дэллу, успели сформировать стойкое убеждение в том, что женщина с «особым» ножом в руках куда хуже мужчины.

Одриард медленно втянул носом воздух и посмотрел на него исподлобья.

– Я должен идти.

– Откуда был звонок?

– Код Солара.

Чейзер усмехнулся. Конечно, откуда же еще. Именно там в последний раз остался лежать на дне вонючей канавы тот самый нож, однажды выданный Дрейком за провинность, и ни Мак, ни кто-то из друзей не имели права подобрать его, чтобы помочь избежать наказания. Нарушение приказа каралось Начальником Комиссии не просто жестоко, а утонченно жестоко, как в случае с Дэллом: однажды послушавшись, он оказался привязан к бездушному предмету, переходящему из рук в руки, и тот, в чьих руках оказывался злосчастный нож, получал в свое распоряжение раба в виде здорового мужчины ростом метр девяносто с развитой мускулатурой, сноровкой и другими полезными качествами. Люди глупы: подобная комбинация часто заставляла их распахивать рты, а мозг – истекать вожделением от чувства власти. Почти все моментально становились одинаковыми... И ни один, похоже, не задумывался о том, каково это – быть рабом.

– Нет, ты не можешь убить ее, – сказал Мак, глядя на стальной блеск, появившийся в глазах Дэлла, когда тот поднялся с кресла. – Однажды Дрейк остынет.

Одриард холодно улыбнулся, молча спрашивая: ты в это веришь? Нет, Мак не верил. Он хотел добавить, что однажды кто-то может отдать нож и тем самым прервать затянувшуюся пытку, но не добавил. Потому что уже сам не верил, что такое когда-нибудь случится. Реальность за последние три года успела покрошить и затоптать в землю все надежды.

- Я пошел.
- Если тебе нужны будут деньги...
- Да, я понял. Спасибо.

Дэлл вышел в коридор. Через минуту завелся мотор черного автомобиля, припаркованного у входа.

Мак смотрел, как машина отъезжает, с яростью – хотя это не ему сейчас нестись к порталу, чтобы попасть с четырнадцатого на тринадцатый, не ему встречаться с незнакомкой, которой вскоре предстояло узнать про «подарок», и смотреть, как зажгутся нездоровым светом от радости ее глаза...

Да, Дрейк умел наказывать. А они – убивать. И это было именно то, что Начальник запретил делать с теми, кто звонил по указанному над лезвием номеру.

Глава 2

Когда в перестук дождевых капель вплелся звук мотора, я резко встрепенулась и едва не выронила из рук кружку с чаем, над которой последние пятнадцать минут клевала носом. Свет от фар волной прошелся по потолку и стенам, на несколько секунд высветил грязный стол и скомканное покрывало, скользнул по стенке холодильника и исчез – машина, судя по всему, развернулась.

Может, залетный и сейчас уедет?

Я поднялась со стула и на всякий случай взяла со стола нож. Автомобили в этом районе появлялись редко, больше проездом: почти никто из жителей окрестных домов в силу бедности не владел собственным транспортом. Только изредка пространство неказистого двора нарушал свет фар и пропитывал запах бензина. Чаще всего ненадолго.

С гулко колотящимся сердцем я прислушалась: шорох шин стих, но тихий рокот мотора остался; поверх бетонной стены возникло красноватое свечение – отблески от зажженных стоп-сигналов. Вероятно, тот, кто приехал, развернулся и остановился у лестницы, ведущей в мою каморку.

Значит, это мой гость. Пожаловал за ножом.

Я судорожно пригладила волосы пятерней, натянула поверх темной водолазки снятую с крючка на стене неприметную бордовую куртку и застыла посреди комнаты. Куда положить нож, не в руке ведь нести? Так глупо не встречают даже врагов.

Ежесекундно ожидая услышать требовательный стук в дверь, я бросилась к стоящей в углу тумбе, отыскала на нижней полке старую сумочку из черной потрепанной кожи и зачихнула в нее нож. Если лезвие вспорет подклад, черт с ним.

В дверь пока не стучали, скорее всего, приехавший ждал в машине. Я выпрямилась и сжала сумочку в дрожащих пальцах.

Просто поздороваться и отдать. А потом на боковую.

Очередная волна дрожи сотрясла тело, когда я представила, что снова придется выйти под дождь. Что за проклятие без перерыва ходить в отсыревшей одежде?

Не нить.

Убедившись, что снисходить до моей квартиры никто не собирается, а красноватый свет продолжает сочиться поверх бетона, я быстро пересекла комнату, взяла со стола ключи, подошла к двери и принялась обуваться.

Пора поздороваться.

Машина стояла в нескольких метрах от лестницы – черный, как ночь, влажный и блестящий, элегантный седан, слишком дорогой для убогого, усыпанного мусором закутка возле обшарпанной пятиэтажки. Вокруг лужи, сырость, грязь, бачки с помоями, вечно закрытые окна квартир подозрительных жильцов – и на тебе, такая красавица. Не ржавая коряга, не мятое, битое или грязное ведро с гайками – именно такие чаще всего сотрясали хлопками неисправных глушителей дребезжащие стекла, – а настоящий шедевр.

На такой не накопить жителям целого квартала, работой они годами.

Подобный автомобиль смотрелся здесь столь же помпезно, сколь и нелепо – как высокотехнологичный обтекаемый болид из другого измерения, случайно захавший на захудалую свалку колониального мира.

Сотрясаясь от холода, я нерешительно шагнула вперед; левый ботинок угодил в выбоину на асфальте и тут же пропитался холодной жижей.

Задние фары продолжали гореть, движок работал, но его тихий равномерный рокот был едва различим, заглушаемый ударами отскакивающих от лакированного металла капель и шумом в кронах близлежащих деревьев.

Меня вдруг сковала неуверенность. А что, если эта машина никак не связана с недавним звонком? Не могу же я подойти к незнакомому водителю, расстегнуть сумочку и сказать: «Не хотите посмотреть на мой нож?» Мне впечатают в лицо быстрее, чем я успею открыть рот. И хорошо, если кулак, а не пулю.

Черт, за последние полтора года я совершенно разлюбила различного рода приключения и отчаянно не желала окупаться в новое. Тем более в полночь дождливой ночью на пустынной улице.

Уйти назад? Запереть все замки и ждать, пока звонивший постучит в дверь сам?

Ливень усилился.

Пока я, мокрая и растерявшаяся, вглядывалась в непроницаемые тонированные стекла, пытаюсь решить, что делать дальше, пассажирская дверца медленно и лениво распахнулась. На случай, если вдруг покажется субъект бандитской наружности, я приготовилась дать деру. Но секунды шли; никто не выходил. Какое-то время дверцу изнутри и снаружи омывали струи дождя, а из салона лился мягкий желтоватый свет.

Приглашение. Он хочет, чтобы я села внутрь.

Усилием воли заставив согнуться ооченевшие от холода колени, я шагнула вперед, преодолела отделяющие меня от машины метры грязи, нагнулась и испуганно заглянула в салон.

– Добрый вечер. Это с вами я говорила по телефону?

Сидящий за рулем человек – внушительного вида крепкий светловолосый мужчина – неопределенно качнул головой.

– Садись.

Значит, с ним.

Я собрала нервы в кулак и села на пассажирское сиденье. Осторожно, чтобы не хлопнуть слишком сильно, закрыла дверцу; лампочка на потолке погасла, погрузив салон не в полумрак даже – в темноту.

Моментально налетел страх: зачем я села к незнакомцу в машину, ведь даже лица не успела разглядеть? Дура, даже пикнуть не успею в случае чего!

Сразу в нескольких окнах шевельнулись шторы – наблюдать наблюдают, а вот помочь в случае чего не выйдут. Бесплатное шоу на ночь.

Лампа у подъезда перегорела еще месяц назад, никто так и не починил, а из четырех фонарей, расположенных по периметру двора, горел только один, самый дальний. Тусклый свет, исходящий от него, освещал разве что мусорный бак справа у ограды, окаймлявшей выкрашенную грязевыми разводами электрическую будку.

Я впилась пальцами в сумочку, забыв о том, что острое лезвие легко пропорет кожу, если нажать слишком сильно, подавила судорожный вздох и повернулась к водителю – тот смотрел не на меня, а сквозь стекло прямо перед собой. Отсвет от приборной панели подсветил его жесткий профиль, позволяя рассмотреть прямой нос, сжатые губы и твердую линию подбородка.

В салоне повисла тишина. Шум дождя остался снаружи; ливень обиженно, будто в отместку, поколачивал стекло и крышу.

Чувствуя себя крайне дискомфортно наедине с незнакомцем, которому, казалось, до меня не было никакого дела, я поспешно расстегнула замок сумочки и достала нож.

Пора уже с этим разобраться. Сам он, похоже, разговор не начнет.

Я решила расставить точки над *i*.

– Сегодня я случайно нашла вот это. Отмыла, увидела на лезвии номер и поэтому позвонила. Это ваш?

Мужчина шевельнулся. Коротко и, как мне показалось, неприязненно взглянул на зажатый в моих пальцах предмет и нехотя разжал губы.

– Раз ты нашла, теперь твой.

Я нахмурилась.

– Что значит «мой»?

Он не ответил.

Лезвие тускло блеснуло, отражая свет цифр на экране встроенной магнитолы. То ли от усталости, то ли от голода моя способность логически мыслить притупилась, но даже в таком состоянии я ощутила, что диалог получается, мягко говоря, странным.

– А вы разве не хотите его забрать?

Водитель повернулся и наградил меня долгим тяжелым взглядом; губы его дрогнули в усмешке, будто говоря: «О да! Я бы забрал...», и выражение его лица мне совершенно не понравилось. Теперь, когда глаза привыкли к темноте, я сумела разглядеть больше деталей, нежели вначале.

Во-первых, незнакомец оказался блондином – но не из тех, что красят волосы перекисью, добиваясь желтоватого цыплячьего оттенка, а красивым, пепельно-русый блондином с благородной стрижкой. Коротко стриженные виски и затылок, сверху волосы длиннее и зачесаны назад. Широкие брови более темного оттенка, светлые глаза, квадратный подбородок, мощная шея.

Во-вторых, он оказался большим. Нет, не толстым, но накачанным, широкоплечим, и, судя по тому, что между головой и потолком салона оставался лишь небольшой зазор, еще и высоким. То пространство, куда вошло бы две меня, заполнял собой он один. Кожаная куртка обтягивала сильные руки (на толстых, это я знала совершенно точно, ткань сидела по-другому), черные джинсы второй кожей обрисовывали мощные ноги.

Господи, да он атлет...

В целом моего короткого осмотра хватило для того, чтобы понять сразу несколько вещей.

Первое: человек, сидящий рядом со мной, из высоких слоев общества – дорогая машина, дорогая одежда, умение держать себя, аккуратная стрижка, эксклюзивные часы на запястье.

Второе: его профессия связана с физической активностью – такие мышцы можно накачать только постоянными тренировками, причем разноплановыми, а не только подъемом штанги в спортзале.

Третье: квадратный подбородок, едва нахмуренные брови и холодный взгляд говорили об упрямом характере. Скорее всего, несговорчивый, жесткий, большую часть времени доминирующий над другими.

Четвертое: он красивый.

Последняя мысль удивила даже меня саму.

Какое отношение это имеет к делу?

Возможно, никакого, но водитель действительно был красив, к чему я почему-то оказалась совершенно не готова. Брутально красив, по-мужски.

Уймись, Меган. Ты здесь не за этим.

– Может быть, вы хотите его у меня купить? Так сказать, для коллекции? Недорого.

За еду.

– Нет.

Губы мужчины поджалась, а на лице возникла откровенная неприязнь, будто я предложила ему купить не его же собственный, судя по всему, нож, а браслет с шипами для кошонки.

Всколыхнулось раздражение.

– Тогда, простите, зачем вы здесь?

– Чтобы сказать, что с этого момента я в твоём распоряжении.

– Что?!

Сердце забилося отвратительно громко; мне вдруг показалось, что ночь приняла сюрреалистичные очертания. Почему этот тип отвечает односложно, да еще и всякий бред? Стало неуютно. Страшно.

– Вы безумны?

Водитель снова смотрел прямо перед собой и молчал.

– Вы приехали сюда сказать, что теперь вы в моем распоряжении? С чего бы?

– Потому что у тебя нож.

– И что?

Он сумасшедший! Я нарвалась на самого что ни на есть спятившего!

Только не паниковать.

Тишина хлестала по нервам хуже кнута. Ответы незнакомца были лишены всякой логики. Какого черта я все еще сижу в этой машине? Нож он не купит, поесть этим вечером не удастся, мне бы выйти и уйти к чертовой матери, не подвергая себя дополнительному риску. Такой бугай, особенно если он выжил из ума, может быть крайне опасен.

Но прежде чем поспешно бежать, я еще раз взглянула на водителя – как ни странно, безумным он не казался. По крайней мере, интуитивно. Чуть раздраженный, усталый, немногословный, пугающий молчанием, но... не безумный, коих я за годы работы видела немало.

Дождь монотонно стучал по стеклу, рисуя влажные дорожки. Я устало потерла лоб. Страх начал спадать.

Действительно, что ли, уйти? Два шага – и я дома, за дверью.

Но ведь тогда всю ночь будут мучить вопросы. Уж лучше попробовать все прояснить, пока он еще здесь.

Раздраженная на себя за упорство, я повернулась к блондину.

– Пожалуйста, поясните мне, что вы имеете в виду, говоря, что вы в моем распоряжении, потому что я ровным счетом ничего не понимаю.

Тот, наблюдая за текущими по ветровому стеклу каплями, произнес:

– Пока нож у тебя, я буду находиться в твоём распоряжении.

Это я уже слышала.

– «В распоряжении» означает делать то, что я скажу?

– Да.

Бред!

– Поднимите руку.

Его рука покорно приподнялась над рулем.

– Вторую.

Пальцы второй разжались, и вторая ладонь застыла в воздухе.

– Потрогайте себя за уши.

Он потрогал.

Глазам своим не верю!

– Включите фары.

Тихий щелчок – яркий свет залил чахлую клумбу, растущие позади нее кусты и мокнувшие в лужах пивные бутылки.

– Выключите фары.

Свет тут же погас, погрузив двор в непроглядную, как и прежде, сырую темноту.

– Да это же бред!!!

Водитель привычно промолчал, сложив руки обратно на руль.

– Что же это за нож такой?!

Тишина.

Теперь мне точно казалось, что я участвую не то в розыгрыше, не то в пьесе, где все до единого актера безумны. И как меня угораздило?

Сумка лежала на коленях, внутри нее покоился злосчастный предмет, навлекший на мою голову эту странную встречу. Почему мужчина, здоровый сильный мужчина, способный запросто переломить шею любому, подчиняется моим словам?

Мозг отказывался мыслить логически. Он вообще, если честно, отказывался мыслить; руки дрожали.

Водитель молчал, я тоже; казалось, в эту минуту мы были связаны одним на двоих настроением, пребывая в прострации и слушая апатичный шум дождя.

– Вы не курите?

Думала, не ответит. Ответил.

– Редко.

– Я – почти никогда, но сейчас бы закурила. – Я вздохнула. – Знаете, у меня был плохой день. Не думала, что он мог стать еще хуже.

Сказав это, мгновенно спохватилась – вдруг ненароком обидела незнакомца? Бросила осторожный взгляд – тот не шелохнулся. Лицо, как и прежде, без тени эмоций, взгляд устремлен вдаль.

Почему он не едет домой? Неужели никто не ждет?

Во внутренний диалог тут же вступил второй голос, язвительный и жесткий:

– Он сказал, что теперь подчиняется тебе. Наверное, ждет приказа.

– Быть такого не может. На Уровнях нет рабства.

– А ты разве не проверила? Подними руки, потрогай за уши, включи свет! Включил?

Включил.

Я не нашлась, что ответить самой себе. Логического объяснения происходящему не было.

– Теперь в твоём распоряжении здоровый красивый мужчина с машиной – предел девичьих мечтаний, разве нет? Порадуйся, вместо того чтобы забивать голову вопросами.

Я усилием воли приглушила мысли и постаралась унять круговорот эмоций; хуже всего, что в них действительно стала вплетаться нелогичная, почти безумная, учитывающая ситуацию, радость. Почувствовав слабость, голос мгновенно вернулся.

– Может, это дар свыше? Решение всех моих проблем? Избавление от одиночества? Ведь каждому человеку должно быть дано право на счастье.

– Право на счастье через принуждение другого человека?

– А кто сказал, что ему плохо быть принужденным, если это делает девушка, и делает аккуратно?

– Иди к черту!

Я почувствовала, что от усталости, переизбытка противоречивых эмоций и внутренних споров с самой собой дошла до точки. В поле зрения снова попала маленькая Меган, сидящая в углу пустой комнаты, положив голову на колени. Она мучилась от голода.

Нет, малыши, этой ночью нам обеим не уснуть.

И вдруг пришла мысль: Тони заплатит только завтра, но сегодня, хорошо это или плохо, ко мне в гости заехал безумец, согласившийся исполнять мои желания, так почему бы...

– Всё, кого-то понесло.

Рассудительный голос внутри меня горестно вздохнул.

– Нет, не понесло! Всего лишь одна просьба!

– С этого, наверное, у всех начиналось.

На мгновение стало стыдно, но в этот момент желудок заурчал горестно и громко. И я, наступив на горло собственной гордости, спросила:

– Скажите, вы могли бы меня накормить?

Блондин, имени которого я до сих пор не знала, равнодушно кивнул.

Чувствуя себя прескверно от того, что все же решилась воспользоваться «бесплатным сыром», я сдавленно и быстро, боясь передумать, проговорила:

– На углу соседней улицы открыт круглосуточный магазинчик. Вы могли бы купить мне один сэндвич? Только один, больше ничего.

Звякнули ключи от машины. Мотор, который незаметно для меня затих какое-то время назад, снова завелся, вспыхнули фары.

Боже! Что я делаю! Собираюсь ехать в шикарной машине ночью до магазина, потому что выклянула у незнакомца бутерброд! Это же начало конца... падение на дно.

Но отступить было поздно.

Мужчина переключил передачу и плавным движением повернул руль, выводя автомобиль со двора, прочь от моего дома. На разбитой дороге колеса то и дело попадали в выбоины, сиденья мягко покачивались на рессорах.

– Куда?

– Сейчас на главную дорогу, а там налево. Через два дома будет магазин, называется «Островок».

Свет витрин крохотной лавки с убогим ассортиментом, подобно маяку для полночных пешеходов, освещал темную улицу. Возможно, именно поэтому она и называлась «Островком».

Парковка на пять машин в этот час пустовала. Мы остановились прямо у входа, напротив пыльных расходящихся в стороны дверей, заклеенных рекламными проспектами; водитель заглушил мотор и посмотрел на меня.

– Есть разница, с чем сэндвич?

– Нет.

Когда он покинул салон, я судорожно сглотнула: без разницы – с колбасой, с курицей, с рыбой... лишь бы был. Картинка завернутого в бумагу хлеба, прослоенного майонезом и кусочками мяса, заставила рот наполниться слюной.

Еда.

Господи, я и правда это сделала. Попросила его купить мне еду... Боже мой, дождала.

К нитью примешалась злость.

Отдам деньги завтра, когда заплатит Тони. Всё до последнего цента, даже сверху заплачу.

Мужчина тем временем вошел в магазин; его фигура оказалась еще выше, чем я предполагала. Широкий разворот плеч, накачанные ноги, крепкий зад, хорошие ботинки. По светлорусым волосам пробежал отблеск от расположенных над входом ламп. Водитель скрылся внутри.

Я принялась ждать, шалея от сидения в чужой машине. Стоило остаться в одиночестве, как тут же возобновился мысленный хор противоречивых голосов в голове.

Не думать. Не делать поспешных выводов. На все будет время завтра.

Притихшая магнитола высвечивала номер музыкального трека, поставленного на паузу, прорезь замка зажигания пустовала – ключ блондин забрал с собой; утопленный в центр руля, матово поблескивал незнакомый бренд автомобиля.

Нужно запомнить, спросить у ребят, что это за марка...

По дороге, разбрызгивая глубокие лужи на обочины, проехала машина и, не притормаживая на красный сигнал светофора, скрылась за поворотом. Пешеходов не было. Темные окна, валяющийся на тротуарах мусор, тихий перестук капель утомившего за несколько часов дождя. Джинсы почти высохли: кондиционер в салоне работал на обогрев.

Вскоре мой посыльный показался у кассы, что-то положил на ленту, дождался, пока кассир просканирует товар, заплатил. При виде чужого бумажника, появившегося из внутреннего кармана куртки, сердце снова екнуло.

Звякнули, расходясь в стороны, магазинные двери. Мужчина подошел к автомобилю, сел в салон, не глядя, протянул мне сэндвич и вставил ключ в замок зажигания.

Под моими пальцами хрустнула бумага. Желудок радостно забурился, предчувствуя скорую трапезу, но я не спешила разворачивать упаковку.

Водитель пристегнулся; посмотрел сначала на зажатый в моих руках сэндвич, затем перевел взгляд на лицо.

– Что теперь?

Буду ли я есть здесь? Он это имеет в виду? Нет, не буду.

Чувство сюрреальности усилилось до максимума. Неужели теперь я на самом деле буду решать, что ему делать и куда ехать? В голове мгновенно вспыхнула радость, смешанная с болезненным дискомфортом.

Значит, это правда...

Не позволяя себе заклинить на анализе испытываемых эмоций, я коротко ответила:

– Отвезите меня, пожалуйста, домой, мне нужно спать. А дальше уже решайте сами.

Машина тронулась.

Как это странно – командовать кем-то...

Уже возле дома я поблагодарила его за сэндвич и, прежде чем выйти из машины, спросила:

– Сколько он стоил?

– Четыре пятьдесят.

– Я завтра всё верну.

Блондин не ответил.

Я захлопнула дверцу и, чувствуя себя престранно, зашагала к дому. Ноги не гнулись, упаковка сэндвича быстро пропитывалась водой, на плече болталась сумка с ножом. За спиной развернулась машина; на секунду моя тень протянулась по земле до самой стены. Шум позади стих. Глядя прямо перед собой широко распахнутыми глазами, напоминающими круглые стеклянные протезы, я кое-как достала трясущимися пальцами из сумки ключ и вставила его в замок.

* * *

Тучи нещадно поливали город дождем, машина стремительно неслась по дороге, атакуемая мириадами капель. Быстро и бесшумно работали дворники.

– Вы не хотите его забрать?.. А купить?..

Дорого, ох как дорого Дэлл заплатил бы за этот нож – гораздо больше, чем она могла себе представить; хватило бы на безбедную жизнь на пару Уровней вперед, а то и больше.

Следом, холодный и непререкаемый, как у бездушного судьи, в голове всплыл голос Начальника. Дэлл помнил каждое слово, сказанное в тот далекий день три года назад, помнил серый полумрак просторного помещения, гулкую тишину и застывшие лица сидящих справа и слева от Дрейка людей.

«Ты не можешь ни отнять его силой, ни купить, как не можешь и взять, будь предложение построено в вопросительной форме. Ты не имеешь права пытаться вызывать жалость, рассказывая о наказании, или каким-либо другим методом принуждать владельца вернуть тебе нож. Только если человек сам, добровольно, не спрашивая тебя о согласии, вернет его тебе, ты станешь свободен».

В тысячный раз дословно вспомнив приговор, прозвучавший в Комиссионном зале суда, Дэлл едва не ударил рукой по рулю. Сжал зубы. Сдержался.

Как близко... как же близко.

– Вы не хотите его забрать?

Очень близко. Но не та формулировка, и Дэлл не смог. Не смог.

Бедный район, облезлые дома, плохая квартира, испачканная одежда.

Логан, компьютерный специалист отряда, которому он сделал запрос на предоставление информации час назад, прислал ее досье. Ее лицо на фотографии выглядело лучше, чем в жизни, – на момент съемки волосы у нее были длиннее, почти до плеч, орехового оттенка, завиты и причесаны. Теперь они едва доходили до линии подбородка, в них появились красноватые пряди. Большие серо-зеленые глаза взирали на мир отрешенно, с некоторой долей грусти (или разочарования?), и все же в целом девушка на изображении в досье казалась довольной и менее усталой.

Этим же вечером она мало чем отличалась от оборванки.

Дэлл оторвал взгляд от фотографии, которую несколько минут кряду холодно изучал, пытаясь угадать, какие сюрпризы может преподнести новая владелица ножа, и еще раз перечитал текст, расположенный ниже:

«Меган Райз – секретарь в фирме „Окна Тони“ (что за идиотское название?), специализирующейся на установке пластиковых окон. Руководитель компании: Тонио Балато. Число сотрудников: 6. Адрес...»

Стул отъехал от стола, Дэлл откинулся на спружинившую спинку, сложил руки на груди и задумался.

Секретарша.

Судя по досье, два года назад работала в спасательном отряде «Кину», все члены которого погибли при крушении вертолета над горами при попытке спасти заблудившихся туристов. Все, кроме нее. В «Кину» девчонка числилась полноправным членом команды, но на вертолете в тот день не полетела. Совпадение? Вероятно. Когда «Кину» прекратил существование, она несколько месяцев провела без работы, затем устроилась в «Окна Тони» секретаршей, резко сменив поле деятельности, скорее всего, вынужденно. Там она и работала по сей день.

Разве у секретарш не должна быть гладкая кожа и ухоженные ногти? Как при работе с бумагами, клавиатурой и трубкой телефона можно занять столько ссадин и порезов на руках? Даже выполняя ежевечерний кросс через кусты акации, руки так не испортить.

Странная нестыковка.

Дэлл чувствовал, что устал. Не от сегодняшнего дня, а от того, что все началось заново.

Новый звонок, новая владелица-бедняк. Может, и хорошо, что так. Нищие зачастую вели себя более предсказуемо, нежели богачи: желания последних всегда отличались болезненной извращенной фантазией и попыткой уйти от пресыщения, в то время как лишенные средств к существованию желали одного, вот как сегодня – накорми, одень-обуй, снабди наличными, поработай водителем, а затем (у кого на что хватало наглости и фантазии) купи новую квартиру и машину. Ах да, и снова денег не забудь.

Джинн, мать его.

Спасибо, хоть редко просили чего-то помимо материальных благ.

В голове тут же всплыл образ Лолы – холеной, с тонной макияжа, подтянутой многочисленными операциями дряблой кожей и вечной зажженной сигаретой, вставленной в длинный мундштук.

Ночь. Запах ароматических свечей. Огни раскинувшегося Солара за окнами дорогого пентхауса на верхнем этаже.

– Красавчик, сегодня я покажу, чем именно мы займемся... Но сначала внимательно прочитай мои пожелания. Инструкция на листе.

И его обнаженная кожа, натертая маслом, чтобы рельеф мышц выгодно прорисовывался в красноватом свете ламп. Собака на ошейнике. Кусок плоти, напичканный таблетками, чтобы держать в готовности то, что само при взгляде на «хозяйку» в готовности не держалось.

Одриард закрыл глаза.

Тихо. Всё. Ее больше нет.

Внутри вскипела злость, перемешанная с горечью.

Тихо.

Он заставил себя успокоиться.

Почти три ночи. На сегодня он узнал достаточно. Уровень испорченности этой Меган Райз проявит себя позже, когда она осознает, что именно нашла в том чертовом кювете. Надежда на то, что нож на веки вечные останется лежать в грязи, зарастет травой и однажды вырастет в землю, растаяла быстрее, чем предрассветная дымка над городом.

Дрейк снова «поймет», когда Дэлл не сможет ответить на телефонный звонок и выйти на очередное задание; конечно, всё, что касается ножа, куда важнее повседневной работы. Отбывай, парень, наслаждайся.

Мудак.

Одриард выключил компьютер и поднялся со стула. Возможно, сегодня последняя ночь, когда ему удастся нормально поспать. В том случае, если воспоминания, словно рой зубастых гремлинов, не вопьются в разум, раз за разом прогоняя голышом по углям через все события, случившиеся за последние три года.

Он должен их отогнать, этих гремлинов, должен отключить голову и поспать.

На стене кабинета в свете ночника, оставшегося гореть на столе, поблескивала коллекция собранных за годы пистолетов разных марок. Только место в центре пустовало: не хватало уникальной модели «Брандта», выпущенного в единственном экземпляре.

Когда-нибудь.

Дэлл прошел мимо коллекции. Покинул офис, вошел в притихшую спальню и принялся расправлять постель.

Жаль, что ситуация вновь вынудит его ненавидеть эту ни в чем не повинную, по сути, девочку. Плохая или хорошая – теперь не важно. Владелица ножа, а значит – враг.

Погас свет; темнота укрыла спальню.

Он лег в постель, чувствуя давившую на сердце плиту, и закрыл глаза.

Глава 3

К полудню тучи растянуло, и лужи засверкали, отражая солнечные блики.

Шелестела от ветра влажная листва; зелень напиталась влаги, сделалась сочнее, стряхнула пыль. В приоткрытое окно долетали звуки автомобильных клаксонов.

С утра пришлось разбирать корреспонденцию, печатать договоры и отвечать на телефонные звонки; к обеду утренний топот и голоса сотрудников стихли. Все, кроме Тони, отправились на обед.

Выданный боссом конверт с двумя сотнями долларов надежно покоился на дне верхнего ящика стола под стопкой чистых листов для принтера. Большой куш; хороший, видимо, был дом, с богатыми владельцами.

Я поморщилась.

Официально контора Тони занималась установкой пластиковых окон в особняках близлежащих районов, а неофициально лопухий крепьш Рик Заппа и долговязый Фрэнк Маккейн, монтажники компании, во время выездов к клиенту для снятия замеров зарисовывали план дома, а также фотографировали расположение датчиков сигнализации и типы замков. Изображения впоследствии передавались мне для изучения.

Не стоило когда-то говорить о том, что я локер, но что толку теперь сетовать.

В «Кину» взлому обучали не для того, чтобы грабить мирных граждан, а для того, чтобы вскрывать квартиры суицидников, стоявших на карнизе высоток и готовых спрыгнуть вниз при первом же шуме. В таких ситуациях выламывание или взрыв спровоцировали бы нежелательные действия у людей со слабой психикой, и именно тогда пригождался локер, работающий быстро и тихо.

Теперь же я вскрывала двери не для того, чтобы помочь спасти обиженных на судьбу психопатов, а для того, чтобы облегчить карманы здоровых, довольных жизнью и чаще всего богатых людей. Иначе не заплатить за собственную квартиру, не купить еды, не продержаться на плаву.

На листе бумаги, лежащем поверх клавиатуры, красовался аккуратно выведенный символ – тот самый, утопленный в руль черной машины. Проходивший мимо босс, одетый в белую засаленную рубашку и темные брюки, с любопытством покосился на рисунок.

– Эт ты где увидала?

– Уже не помню.

Зализанные гелем темные волосы повторяли форму округлого черепа, обвислые синеватые от щетины щеки дрожали, пока Тони, стоя у стола, тер подбородок, точнее, оба подбородка: второй напоминал зоб пеликана – пустой болтающийся мешок, в котором давно не было рыбины.

– Это знак «Неофара», такие тачки делают под заказ за баснословную цену. Я одну такую видел у казино «Роял Бэй» как-то раз, давно уже. Чуть не уссался от зависти.

Последнюю фразу шеф проворчал, натягивая пиджак.

Ну, в казино-то ты ходил, денег хватило.

– Я на обед. Когда вернется Ларс, скажи, чтобы съездил вот по этому адресу.

Ко мне на стол лег обрывок бумажки.

– Хорошо.

– Всё. Скоро буду.

Пожелав захлопнувшейся двери приятного аппетита, я откинулась на спинку стула, посмотрела в окно и позволила себе расслабиться. Ларс Освальд – монтажник и по совместительству водитель – вернется не раньше, чем через полчаса. Из кармана я тут же извлекла

мобильник, сняла блокировку и вызвала список исходящих звонков. Последним в нем значился номер моего вчерашнего гостя – мужчины, приехавшего на «Неофаре».

Проснувшись с утра, я счастливо думала, что вчерашняя встреча – не более чем сон, но лишь до того момента, пока взгляд не уперся в брошенную на стул, съезжившуюся, раскрытую сумочку, из которой выглядывала рукоять... да, конечно же... ножа. Того самого, который я упорно пыталась продать или обменять на еду.

С той самой минуты мысли о немногословном блондине неотвязно кружили в голове. Я думала о нем, собираясь на работу, закрывая входную дверь, шлепая ботинками по лужам, пересекая заполоненные машинами перекрестки, сидя в офисном кресле, отвечая на бесконечные звонки клиентов и что-то печатая на клавиатуре.

Когда предположения «да он больной» или «разыгрывает меня» отодвинулись на задний план, я впервые допустила мысль, что все сказанное водителем – правда и он действительно приехал затем, чтобы «подчиниться» мне, как бы абсурдно последнее ни звучало.

Как и каким образом кто-то смог связать человека и предмет между собой, а главное – зачем? Неужели любой заполучивший в руки нож мог управлять этим человеком – приказывать, заставлять, подчинять? От одной только мысли об этом делалось тошно. А если бы меня взяли и привязали, скажем, к шариковой ручке или валяющемуся на дороге бумажнику и каждый схвативший его звонил бы мне домой, вынуждая нестись сквозь ночь в неизвестном направлении, а по приезде заявлять: «Я буду подчиняться вам, пока эта (гребаная) ручка/бумажник в вашем распоряжении»?

Меня передернуло.

Фу! Что за ерунда! Точно бред, не иначе!

А для него не бред, а реальность.

На секунду мое тело будто закаменело.

Экран мобильного давно погас; в пустой комнате тихо жужжал вентилятор. Вынырнув из задумчивого оцепенения, я повозила по коврику мышью, чтобы компьютер не ушел в спящий режим, и снова посмотрела на зажатый в руке мобильник.

Кто бы ни сделал подобное, так продолжаться не должно. Нужно найти способ вернуть нож, каким-то образом убедить водителя взять его. Возможно, надавить, используя тот же самый пресловутый предмет. Неприятно, да, но ведь для его же собственного блага.

Стоило подумать о благородстве, как проснулась и моя темная сторона.

Он красивый мужчина, оставь нож себе. Кого заботит, хочет он того или нет, может, со временем подружитесь, а там...

Я хмыкнула, представив, как могла бы выглядеть подобная «дружба».

Поговори со мной – слова сквозь зубы.

Посмотри на меня – равнодушный взгляд.

Куда съездим развлечься? Куда прикажешь...

Чем займемся у меня дома? А в ответ тишина и ненависть в глазах.

А разве я не вела бы себя иначе, отвечая на «ласковые» призывы какого-нибудь бородастого мужика, желающего подружиться со мной-рабыней? Да с высокой башни бы я плевала на его попытки проявления человечности, ожидая только одного – возвращения ножа. Ах да, шариковой ручки в моем случае.

В общем, нет, спасибо. Не нужен мне мужчина (пусть даже очень красивый мужчина), который тихо меня ненавидит и смотрит волком. Использовать в качестве водителя, чтобы каждый раз чувствовать дискомфортную натянутую тишину в салоне? Тоже не по душе. Попросить много денег – встать в один ряд с предыдущими владельцами (интересно, были ли они, и если так, то сколько?), а потом с гадостным чувством тратить капитал? Ведь отдала же нож – заслужила награду.

ТЬФУ.

Лучше отдам просто так, а денег заработаю сама.

Твоя честность сведет тебя в могилу.

Точно. Однажды. Но пока не свела, побуду все же человеком там, где это возможно.

Хлопнула входная дверь – вернулся рыжий Ларс.

– Э-э-эй! – завопил с порога. – Сидишь? Даже пожрать не сходишь? Так на тебе мяса не нарстет.

Он сально подмигнул, плюхнулся в кресло у дальней стены и принялся шуршать бумагами.

Да пусть бы и не росло, зато такие, как ты, будут держаться подальше.

– Мне Тони ничего не оставлял?

– Оставлял, – спокойно ответила я, спрятала мобильник в карман и кивнула на лежащий на краю стола огрызок бумаги.

– Неси.

– Сам возьмешь.

– Грымза ты, Меган.

Я промолчала. Обычный рабочий день: дурная компания, полное отсутствие вежливости, уважения и субординации между работниками. Досидеть бы до пяти вечера, а там – на улицу, на свободу.

Игнорируя злой взгляд маленьких карих, напоминающих пуговицы глаз, я принялась сосредоточенно набирать очередной договор для клиента, имевшего несчастье обратиться за новыми окнами не куда-то, а в контору грабителя Тонио Балато.

* * *

Август выдался дождливым и промозглым, но иногда, как сегодня, словно из ниоткуда пробивалось вдруг сквозь тяжелые тучи золотистое солнце, и Солар оживал, преображался. Шагать было легко и приятно – колено почти не саднило, порез на пальце затянулся, а карман грел конверт с двумя сотнями долларов, не совсем честно, но все же заработанных.

Перескакивая через лужи, я бодро двигалась по направлению к дому мимо тихих, в пять вечера еще не забитых посетителями полутемных баров с тяжелыми деревянными дверями и запыленными, мертвыми в свете солнца неоновыми трубками на облупленных вывесках.

Запахи еды, сочившиеся из приоткрытых окон кафе, манили и кружили голову – добежать бы скорее до супермаркета, купить продуктов, порадовать холодильник наличием работы по охлаждению не только собственных внутренностей, но и парочки хрустящих упаковок с колбасой, сыром, хлебом и всего остального, на что договорятся между собой моя фантазия и жадность.

Потом в аптеку, домой и... позвонить.

От этой мысли сделалось тепло и тревожно. Вчерашнего знакомого, как ни странно, увидеть хотелось. Поговорю для начала, утолю любопытство, возможно, попрошу покатать меня напоследок по центру Солара (всегда любила смотреть на богатую жизнь, пусть и чужую), а потом уже разберемся с его ножом.

Знакомые улицы при свете дня больше радовали, нежели тяготили. Да, чумадые, неприглядные, но все же свои, привычные. По проходящему за домами шестиполосному шоссе, ведущему в центр города, словно ракеты проносились машины. Свернуть направо, затем напрямик по тропинке через тихий дворик выйти к дороге, а там через два дома – аптека.

Вдохновленная наличием свободного времени и средств к существованию, я быстро зашагала вперед.

Домой я вернулась через час, нагруженная пакетами. Квартира встретила меня тишиной, запахом сырости и отсутствием писем в почтовом ящике. Не беда. День выдался хорошим и без корреспонденции.

Я разулась, скинула куртку и принялась разбирать покупки. Пластиковая белая коробочка наполнилась разнообразными таблетками, мазями и порошками, а холодильник – мороженой курицей, сыром, двумя бутылками кефира, десятком яиц, батоном, маслом, упаковкой майонеза, четырьмя йогуртами, килограммом яблок, палкой колбасы и плиткой шоколада. Лапша и крупы отправились в коробку под столом, чай – на полку.

Порядок! Какое-то время можно жить.

Я огляделась.

В окно поверх бетонной плиты заглянули солнечные лучи. Это случалось раз в день, в ясную погоду и только на короткие полчаса во время раннего заката. Они легли на стол, отразились в чайной ложке зайчиком, с любопытством окунулись в кружку с недопитым чаем, протянулись по полу до дальней стены и позолотили серое покрывало.

Красиво!

Я убралась на столе, аккуратно развесила одежду в шкаф и принялась колдовать над бутербродом, жалея, что не купила пару помидоров. Ввиду небольшой вместительности холодильника на скоропортящихся продуктах приходилось экономить, а овощи и фрукты зачастую не умещались в неглубоком поддоне. Мясной фарш и замороженную рыбу я брала редко: их не получалось жарить на дне единственной кастрюли, а варить... уж лучше совсем не варить. Вот появится нормальная сковорода, тогда куплю бутылку масла и устрою пир.

Тонкая струйка воды, бегущая из крана над раковиной в туалете, наконец наполнила чайник, и я вдохновенно водрузила его на плиту. Чай, и не голый чай, а на сытый желудок, да еще и с кусочком шоколадки! Ох, счастье есть! Точнее, скоро будет.

С аппетитом сжевав сырно-колбасный бутерброд с майонезом, я аккуратно вытерла крошки со стола и, дожидаясь, пока закипит вода, разложила перед собой оставшуюся наличность – восемьдесят пять долларов и сорок центов. Не густо. Но в холодильнике есть продукты, а в аптечке антисептики, таблетки от головной боли, антибиотики, прогревающие мази, бинты, тампоны и обеззараживающие средства.

Купюру в пять долларов я тут же отложила в сторону – ее я отдам водителю за сэндвич. На оставшиеся деньги посмотрела с тревогой: на следующей неделе платить за квартиру, а зарплата только в конце месяца, придется снова крутиться.

За секретарские обязанности Тони платил триста двадцать зеленых, из которых квартплата съедала двести восемьдесят. Сорока оставшихся катастрофически не хватало на жизнь. Выбить из начальника больше не получалось: отсутствие законов о минимальной заработной плате позволяло руководителям предприятий в Соларе измываться над работниками по собственному усмотрению. Не хочешь? Не устраивайся. Ищи другое место. А в другие места без опыта работы или рекомендаций брали крайне неохотно. Мужчины из низших слоев, способные выполнять тяжелую физическую работу, получали больше. Те, что пробивались в верха, получали много. Женщинам оставалось надеяться либо на выгодную партию, либо на спонсора; редко когда можно было рассчитывать на собственный ум или профессиональные умения. Слабый пол никто не воспринимает серьезно: на тринадцатом процветал шовинизм. Если бы не незаменимые навыки локера, не видать бы мне ни крыши над головой, ни шоколада к чаю. Противно. Но жизнь не всегда сладка, как ягодный сироп.

Три-четыре взлома в месяц позволяли получить дополнительные деньги – несколько сотен сверху. Не густо, но все же хлеб. Да, на дорогие вещи не скопить, машиной не обзавестись, но хватало на медикаменты, стоившие баснословно дорого, и на то, чтобы иногда обновить гардероб, – купить новые носки, новые ботинки, иногда джинсы или куртку.

Так что оставшиеся восемьдесят долларов – это уже праздник.

*Прости меня, владелец дома. Надеюсь, твоя жизнь после грабежа не пойдет под откос.
Закипел чайник.*

Я выключила плиту и поднялась, чтобы достать с полки чай. Мысли вернулись к предстоящему звонку. Время – половина седьмого. Завершил ли вчерашний знакомый на сегодня работу, если она у него вообще есть?

Конечно, есть. Иначе откуда взяться такой машине?

В любом случае, завершил или нет, придется отвлечь его от дел.

Нож со вчерашнего дня лежал на том же месте; я проверила его сохранность на дне сумочки и заранее положила ее на кровать, предварительно запихнув во внутренний карманчик пятерку. Подумав, добавила туда же еще двадцать долларов. Никогда не знаешь, где пригодятся. Затем заварила чай и прошла в ванную умываться; пока вытирала лицо полотенцем, смотрела на облупившуюся стену над раковиной.

Зеркало все же стоит купить. А то ни причесаться нормально, ни глаза накрашивать.

Раньше прихорашиваться было не для кого. Оно и теперь вроде бы не для кого, но не идти же на деловую встречу растрепанной? Тони и его прихвостней не заботила моя внешность – это и к лучшему, – а ночные вылазки не требовали парадного вида, скорее наоборот, максимально неприметного, поэтому моя последняя тушь, лежащая в косметичке на полу у чугунной трубы, окончательно засохла еще несколько месяцев назад. Попытаться размочить ее в воде и накрашивать глаза при помощи зеркальной поверхности лезвия? Фу, глупость какая. Не стоит оно того.

Я расчесала волосы пластиковой расческой и вышла из туалета.

Чай заварен, шоколад ждет, телефонный звонок – тоже.

Интересно, что принесет сегодняшним вечером? Если повезет – приятную поездку на авто в мужской компании и интересную беседу, если водитель соблаговолит ответить на мои вопросы.

Когда чудесный вкус темного шоколада с дроблеными орешками растаял на языке, я отставила кружку и взяла в руки телефон.

Открыла список вызываемых абонентов и какое-то время смотрела на номер, впервые обратив внимание на то, что код города не являлся кодом Солара. Эти цифры, не принадлежащие тринадцатому Уровню, я видела впервые. Странный номер. Межуровневый? Крут, наверное, мой вчерашний гость. Тем более удивительно, что именно он оказался привязан к предмету.

Вопросы копились, как стопка использованной бумаги на вечно захламленном столе Тони.

Мой палец нажал кнопку «Вызов». Послышались долгие гудки.

На этот раз волнение ощущалось меньше, но не исчезло совсем.

Где он сейчас? Чем занят?

– Я слушаю.

– Здравствуйте. Это Меган... вы вчера приезжали ко мне.

– Я помню.

Замечательно.

– Я хотела спросить, вы могли бы приехать сегодня?

– Во сколько?

Я замялась.

– Сейчас?

Чего тянуть до темноты? Чем быстрее начнем, тем быстрее закончим.

– Хорошо.

Он дал отбой.

Я медленно отняла трубку от уха, убедилась, что звонок завершен, и положила мобильник на стол. Сердце колотилось быстрее обычного, будто спрашивая: «Ну что, уже начинаем»

волноваться или еще нет?» Наверное, нет. Чего волноваться? Раздражения в голосе собеседника не слышалось, меня не отправили подальше (наверное, не имели права), осталось снова ждать.

Еще, что ли, шоколада съесть?

Маленькая Меган радостно захлопала в ладоши.

У-у-у, вымогательница!

Не в силах отказать ни себе, ни ей, словно оса, привлеченная запахом варенья, в радостном предвкушении вечеринки вкусовых рецепторов я устремилась к холодильнику.

* * *

Когда к дому подъехала машина, я пребывала в полной боевой готовности: чистые сухие джинсы, протертые ботинки, темная водолазка под горло, сумка с ножом на плече. Снаружи потеплело, и я решила, что куртку в этот раз можно оставить дома. Лето, как-никак.

Улица встретила свежим ветерком, розовым, пропитанным клонившимся к горизонту солнцем, светом и шелестом листвы. Я закрыла дверь и взбежала вверх по ступеням.

«Неофар» стоял там же, где и вчера, у невысокой ограды под раскидистым тополем. При свете дня автомобиль впечатлял еще больше – гладкий, полированный, сверкающий, почти хищный.

Немудрено, что Тони почти унёсся с зависти.

Оглядевшись по сторонам, я зашагала вперед. Сосед, кутивший у другого подъезда, проводил меня подозрительным взглядом.

По мере приближения к пассажирской двери волнение возрастало.

С чего бы?

На этот раз дверцу я открыла сама и, не спрашивая разрешения, села в салон. Повернула голову, чтобы поздороваться с водителем, и, встретившись с голубыми глазами, на мгновение застыла. Мои пальцы так и остались лежать на теплом пластике дверной ручки, а дыхание на секунду замерло.

Ох! Теперь понятно, с чего.

Да, я оказалась права – мужчина был красив. Красив той мужественной, дерзкой красотой, что, скорее всего, заставляла женщин по ночам изнывать от бессонницы, мечтая о голубых глазах, внутри которых притаилась прохладца, и красиво очерченных губах, от одного взгляда на которые всякая рассудительность исчезала в неизвестном направлении.

При свете дня это стало заметно. Слишком заметно.

Насильно притянув за воротник логику, успевшую превратиться в бесформенный комочек ваты, на прежнее место, я захлопнула дверцу и поздоровалась:

– Добрый вечер.

Мужчина не ответил, продолжая смотреть на меня. Тоже изучал при свете дня? На долю секунды в мысли закралось смущение.

Интересно, хорошо или плохо я выгляжу? Да какая, к черту, разница?

А разница, однако, была.

Теперь, когда я рассмотрела внешнюю привлекательность сидевшего рядом незнакомца, мысли, до того расположенные в стройном порядке, вдруг перепутались и попадали в кучу, как кегли в боулинге, в центр которых ударил тяжелый шар.

Дожила... Сказывается давнее отсутствие мужчины.

Мысленно я покачала головой, подумав, что на того же Ларса или Фрэнка подобной реакции почему-то не возникало ни разу.

Всё. Хватит дурить.

– Надеюсь, я не оторвала вас от важных дел?

– Всё в порядке.

Интересно, сложно ли ему в подобных ситуациях дается вежливость?

Водитель наконец отвернулся, позволив оценить свой безупречный, не менее мужественный профиль, а также заметить темный джемпер поверх хлопковой футболки с V-образным вырезом.

На несколько секунд воцарилась тишина. Чтобы не затягивать ее, я спросила:

– Вы не против, если мы проедемся по центру Солара?

Он кинул на меня короткий взгляд и кивнул.

Я пристегнула ремень безопасности.

– Хотелось бы поговорить.

Брови водителя сдвинулись, но комментария не последовало.

* * *

Задуманные беседы хороши тогда, когда они приносят пользу обоим собеседникам, а когда лишь утоляют праздное любопытство одного и выворачивают наизнанку другого, это уже называется иначе – допрос.

Филипп Дебюи, наверное, был одним из самых «нормальных» владельцев ножа: он никогда не изъявлял странных желаний, вел себя тактично, с достоинством аристократа, приглашал только по вечерам, просил сыграть с ним партию в шахматы, выпить бокал-другой выдержанного валлийского, иногда просил забрать вещи из химчистки или купить утренних газет. Далеко не молодой, наполовину седой, он всегда передвигался по своему особняку, опираясь на трость с металлическим набалдашником в виде орлиной головы. С тех пор как в автомобильной аварии, случившейся несколько лет назад, Филипп повредил колено, он редко самостоятельно ступал за порог, потому как сильно хромал.

Дэлл стал ему не то дворецким, не то помощником, совмещая в одном лице роль водителя (редко), товарища, которого можно попросить о помощи в домашних делах (время от времени), но чаще всего – именно собеседника.

В целом Филиппа можно было бы назвать вполне адекватным человеком, если бы не одно «но» – Дебюи болезненно любил задавать вопросы личного характера, копаться в прошлом, что-то выискивать, анализировать, по локоть совать руки туда, где им не следовало быть. Поначалу, узнав о том, что тот желает узнать историю появления ножа на свет, Дэлл даже обрадовался. Возможно, если старик поймет и прочувствует его ситуацию, поставит себя на его место, то пресечет подобное течение событий, вернув нож. И он с готовностью отвечал на многочисленные (не всегда приятные) вопросы, а по вечерам, стоя на пороге и собираясь уходить, ждал, что сейчас Дебюи принесет заветный предмет и скажет: «Держи, парень, ты его заслужил, и теперь он твой». Но по какой-то причине, несмотря на обилие душещипательных бесед, Филипп этого не делал, и вскоре Дэлл возненавидел вопросы, равно как и рассказы о собственном прошлом.

А секретарша, похоже, решила возобновить добрую традицию.

Свое имя Дэлл назвал без проблем. Фамилию – с неохотой. На вопрос, можно ли называть его на «ты», кивнул.

Выехав на желтоватое в свете заката шоссе, «Неофар» пристроился в конец длинного ряда автомобилей, стоявших в пробке. Водители раздраженно курили, слушали радио или постукивали пальцами по рулю, ожидая возможности двигаться дальше. Скорее всего, у моста снова не работал светофор. Значит, до центра добираться минут двадцать, не меньше; за это время можно задать много вопросов.

Дэлл вздохнул и приоткрыл окно, вдохнул аромат теплого ветра, смешанный с выхлопными газами, и посмотрел на наливающееся на горизонте фиолетовым небо.

– Значит, ты подтверждаешь, что связан с этим ножом и из-за этого приехал сюда?

Он кивнул. Хотелось откинуть голову на подголовник, закрыть глаза и утонуть в тишине.

Девчонка, Меган, на секунду задумалась. Сегодня она выглядела опрятнее, чем вчера. Не такой чумазой.

– Знаешь, я долго думала о том, как можно было связать человека и нож, и пришла к странным выводам.

Думаешь, интересно послушать? Не особенно.

Дэлл все-таки откинул голову назад и закрыл глаза. По отношению к собеседнику подобный жест, наверное, выглядел грубо, но ему было плевать.

– Если бы простой смертный попытался тебе приказать служить рабом ножа, ты бы просто свернул ему шею. Или им...

Как она трогательна в своей наивности. И как права. Впору улыбнуться.

– ...Значит, это сделал тот, против кого ты не смог пойти. А на Уровнях пойти невозможно только против... – Секундная пауза. – ...Комиссии.

Проницательно.

– Получается, ты перешел дорогу Комиссии? – В ее голосе послышался ужас.

Дэлл кивнул. Кивать было проще, чем рассказывать самому. Пусть тешится.

– То есть ты сделал что-то, что им не понравилось, и они наградили тебя этим ножом. Давно?

– Давно, – ответил коротко. В подробности вдаваться не стал.

– Но это же ужасно!

Точно.

– По всему видно, что ты человек с хорошей профессией, с деньгами, видный. Твоя машина стоит целое состояние, ты носишь дорогую одежду, хорошо выглядишь...

Слушая умозаключения Меган, Дэлл вдруг поймал себя на мысли, что ему импонирует незаинтересованность, звучащая в ее голосе при перечислении его достоинств. Она говорила о них просто и легко, без умысла, констатируя факты, как говорил бы о погоде диктор: «Сегодня над Соларом пройдут дожди с грозами, к вечеру температура воздуха поднимется до отметки...»

...Ты человек с хорошей профессией, с деньгами, видный...

Она рассказывала об этом с абсолютным отсутствием какого бы то ни было благоговения, обычно переходящего в предвкушение «а сколько от всего этого удастся урвать мне?».

Но время доказывало, что с выводами торопиться не стоит.

Машины впереди сдвинулись. Дэлл открыл глаза, плавно нажал на газ и уткнул нос «Неофара» в багажник чьего-то «Мустанга», оставив щель сантиметров в сорок. Затем не удержался и бросил короткий взгляд на Меган, пытаясь предугадать, во что выльется дальнейший разговор. Та, заметив его внимание, смутилась и на мгновение притихла, потербила в пальцах сумочку, затем спохватилась, будто вспомнила о чем-то, и расстегнула кармашек. Достала купюру в пять долларов, протянула ему.

– Вот, это за вчерашний сэндвич. Спасибо.

Какие серьезные зеленые глаза, и какой настойчивый взгляд.

Он с трудом удержался от того, чтобы хмыкнуть, взял пятерку и положил в карман. Обычно люди почему-то забывали о такой мелочи, как возвращение долга. Плюс одно очко в ее пользу. В душе шевельнулось любопытство: надолго ли хватит ее честности? Через сколько часов или дней порядочность канет на дно пруда, а на поверхность всплывет жадный безобразный монстр, потерявший человеческий облик? Дэлл ненавидел этот разгорающийся на дне глаз огонек, сообщающий, что процесс изменения начался, он пропитывал владельца ножа ядовитыми парами, заставляя самые непотребные из всех возможных идей стать наиболее желанными.

Пока ее глаза были чистыми. Без гадкого огонька.

Дэлл отвернулся.

Очередь из машин снова пришла в движение, «Неофар» медленно пополз следом.

Раздался следующий вопрос:

– Скажи, а сколько людей владело этим ножом до меня?

– Шесть.

В салоне повисло молчание, наполненное звуками, доносящимися через приоткрытое окно: шорохом шин и гулом двигателей. Мимо, маневрируя между плотными рядами автомобилей и резко простреливая воздух дробными выхлопами, прокатился мотоцикл.

Только не спрашивай, кем они были и что именно делали, получив его в руки.

Она не спросила, погрузившись в размышления. Через минуту вынырнула из мыслей, поинтересовалась, долго ли он пробыл рабом, и, получив ответ, снова ушла в затяжное молчание.

Дэлл начал раздражаться.

«Зачем тебе все это? Какая разница? – подумал он зло. – Начинай праздник души, заказывай!»

Но худощавая девчонка со слишком серьезными глазами продолжала молчать; ему были видны лишь ее затылок и кончик аккуратного носа, повернутый к окну. Рыжеватые пряди волос завивались у воротника.

«Ореховые. Темно-ореховые с красноватым оттенком».

Ладони, покрытые царапинами, лежали на узких коленях.

Откуда-то возникло чувство, что они чем-то похожи. Но чем? Какое сходство могло быть между наемным убийцей и секретаршей?

Дэлл отмел странную мысль, но ощущение осталось. Наверное, дело было во взгляде. Что сделало его таким же отстраненным и закрытым, как у него самого? Меган не была обременена проклятием в виде обязательства исполнять чужие желания, жила бедно, но свободно, делала что хотела, принадлежала самой себе и только.

Вот именно.

Он не успел додумать: внимание отвлек грузовик на соседней полосе, сначала резко набравший скорость, а затем неприлично быстро сбросивший ее, что заставило водителя пикапа, ехавшего позади, ударить по тормозам и с негодованием нажать на клаксон, приправив все это отборной бранью. Люди торопились в Солар.

Дэлл со скучающим видом отвернулся. Он никуда не торопился. Его пассажирка продолжала молчать, думая о чем-то своем; по-видимому, тишина устраивала их обоих.

Через какое-то время поток машин снова пришел в движение; пробка начала рассасываться. Наконец-то появилась возможность утопить педаль газа глубже, чем на несколько миллиметров, – «Неофар» сравнительно бодро понесся по направлению к сияющим вдалеке небоскрегам.

* * *

За те два часа, что мы ездили по центру Солара и по близлежащим районам, не выбирая направления, я узнала всё, что хотела: имя и фамилию мужчины за рулем, его профессию, количество бывших владельцев ножа и срок заточения. А также кем и когда был вынесен приговор и при каких условиях Дэлл мог принять обратно нож.

Даже без подробностей, которые мне не хватило духу выпросить, картина, сложившаяся в голове из его коротких ответов, ужасала. Шесть человек, три года рабства, редкие минуты покоя, несколько раз – полное банкротство и никого, кто пожелал бы вернуть злосчастный предмет владельцу, тем самым прервав затянувшуюся жестокою пытку.

Что ж, это предстояло сделать мне, и я мысленно готовилась к финальному разговору.

На город медленно опустились сумерки. Я, как и планировала еще перед выходом из дома, наслаждалась тем, что рассматривала чужую жизнь – радостную, безбедную, свободную от проблем. У кафе и ресторанов, под натянутыми тентами и зонтами, за накрытыми белоснежными скатертями столами сидели люди. В этот час почти все места оказались заняты. Многие, кто хотел попасть внутрь, стояли у расположенных у входов меню и с любопытством наблюдали за посетителями, довольно поедающими заказанные блюда и пьющими разноцветные напитки из вытянутых и пузатых бокалов. Над их головами горели газовые светильники, оберегающие посетителей от незаметно подкрадывающегося августовского холода. Красиво. Уютно.

У кинотеатров кружили толпы желающих посмотреть новые, вышедшие на экран только этим вечером картины. Через стеклянные двери было видно длинные, завитые, словно змейки, очереди, растянувшиеся почти до самого выхода.

Когда я в последний раз ходила в кино?

«Два года назад», – услужливо подсказала память. Когда Мик, пилот из «Кину», с которым я встречалась, был жив. Как раз за несколько месяцев до трагедии.

Чтобы настроение не съехало до неприятной отметки, я переключила внимание на молча управлявшего «Неофаром» водителя.

Дэлл.

Я незаметно и тихо вздохнула. Красивый он все-таки мужчина. Жаль, что, придя в мою жизнь только вчера, сегодня он уже исчезнет из нее. Как быстро. И не пообщались.

От этой мысли сделалось грустно. Человек, считающий себя рабом, ни за что бы добровольно не стал разговаривать с хозяином, это я понимала. И почему мне в руки попал именно нож, а не билет на телешоу «Первое свидание», где такой вот красавец расположился бы в кресле напротив? Тогда не возникло бы гнетущей тишины и не оказалось бы стены в глазах, через которую не пробраться, как ни старайся.

Вряд ли он понимал, что прохладца во взгляде лишь добавляла ему привлекательности, а ленивая, чуть настороженная манера поведения заставляла следить за каждым жестом и скупое брошенным словом.

Как ни странно, чем больше времени я проводила в тихом салоне машины, тем меньше мне хотелось возвращать нож. Нет, то был вопрос эмоциональный; логика же знала, что предмет будет возвращен в любом случае. И если я все это время тактично и скромно смотрела в окно, то маленькая Меган, забравшись на иллюзорный подлокотник дивана, во все глаза пялилась на Дэлла. Причем пялилась как на продавца игрушек: жадно, с любопытством и щенячьим восторгом. Ей отчего-то казалось, что это заколдованный принц, к которому стоит лишь приблизиться – и мир тут же вспыхнет снопом разноцветных искр и зазвучит хрустальными голосами небожителей.

Я в какой-то мере была с ней согласна.

Узнать сидящего рядом человека хотелось. Но стоит отдать нож, и он тут же растворится в неизвестном направлении. И не отдавать нельзя. Дилемма.

По приборной панели плыл отраженный свет уличных фонарей.

Зверем невозможно любоваться, пока он находится в клетке. Лежащий в дальнем углу, с закрытыми уставшими глазами, худой, с пыльной шерстью, он всего лишь жалкое подобие, далекий отзвук, тусклое напоминание того сильного и грациозного животного, каким был на воле. Там, среди вольных просторов, его шерсть бы блестела, шелковисто переливалась, взлетала и опадала от быстрых отточенных движений – любоваться таким было бы одно удовольствие.

Точно так же и с Дэллом – все еще греховно-притягательным, грубо красиво, мощным и сильным, но изрядно опустошенным мужчиной. Наверное, его глаза умели быть теп-

лыми, а губы умели улыбаться. Вероятно, когда-то его сердце отзывалось на нежность и ласку, а в душе возникали энергичные порывы сделать этот мир лучше.

Теперь же, глядя в равнодушные голубые глаза, казалось, что те порывы угасли много лет назад. Потерялась вера в людей, исчезло тепло из улыбки, а хрупкий сосуд, хранящий любовь к жизни, треснул.

Как он проводит вечера, когда не занят? Ищет спасения в общении с друзьями или топит тоску в алкоголе?.. Может быть, на самом деле все обстоит не так, а гораздо лучше, и вечера этого человека наполнены чем-то хорошим, радостным и для души?

Верилось слабо.

Маленькая Меган уже тянула руку, чтобы погладить Дэлла по лицу, и капризничала от того, что я игнорировала ее порывы, не желая наклоняться к незнакомцу.

Да куда ж тебя несет-то?

Я бросила короткий взгляд на профиль водителя, пробежала взглядом по его красивым широким ладоням, лежащим на руле, скользнула по обтянутым джинсами ногам.

Черт. Так и меня понесет. За что ж тебя природа наградила такими невероятными внешними данными и таким плохим начальником? И как тех шестерых угораздило потерять столь ценный предмет, который дарил им такого «раба»? Злой рок, не иначе.

Мимо проплыло здание центральной библиотеки и высокий стеклянный торговый центр «Орхидея». Глядя на высыпающие в небе первые звезды, я снова вздохнула, предчувствуя скорый конец поездки. Не гонять же «Неофар» по дорогам всю ночь, без цели и без разговоров.

Неожиданно голову посетила странная мысль – подневольный человек пожелал бы общаться с господином лишь в том случае, если бы ему была обещана скорая свобода. То есть если бы он был твердо уверен, что она грядет. Уже дарована...

Мой пульс вдруг ускорился.

Если бы тот бородач, мой потенциальный рабовладелец и обладатель шариковой ручки, о котором я думала в офисе во время обеда, пришел ко мне и сказал: «Меган, я освобожу тебя через месяц», – возникло бы у меня желание с ним общаться? Возможно, да. А возможно, и нет. Наверное, я бы испугалась, что наше общение заставит его передумать, спровоцирует что-то ненужное и несвоевременное. А если бы я точно знала, что свобода обязательно будет моей, что тогда?

Тогда бы я, возможно, изъявила желание с ним пообщаться. По-дружески, конечно...

А ведь это может сработать...

Если я хочу получить хотя бы шанс на то, что однажды Дэлл более комфортно и расслабленно почувствует себя в моем обществе, я должна пообещать ему свободу. Близкую, манящую, страстно желаемую. А главное – заверить, что обязательно сдержу слово, чего бы это мне ни стоило.

Мои ладони неожиданно вспотели, а сердце наполнилось радостным предвкушением. Даже во рту появился непонятный тягучий привкус. Видимо, от нервов.

Чувствуя, как участилось сердцебиение и нервы неожиданно превратились в струны, я повернулась к водителю.

– Останови, пожалуйста, у обочины или на какой-нибудь парковке.

Тот кивнул.

Когда автомобиль затормозил на расчерченном на ячейки асфальте у сквера, я затаила дыхание. Затем внутренне собрала и попросила:

– Выключи двигатель.

Мужские пальцы послушно повернули ключ в замке зажигания. Мотор притих; несколько раз качнулся из стороны в сторону брелок с выгравированным в центре знаком «Неофара».

На город опустелись плотные сумерки. Мимо прошла пара, выгуливающая на длинном поводке поджарого пса.

Мое сердце теперь колотилось так сильно, что, казалось, корпус раскачивался взад-вперед, как на волнах. Я повернулась к блондину.

Момент икс.

– Дэлл. Пожалуйста, посмотри на меня.

Водитель повернул ко мне голову, и я встретила с его привычным равнодушным взглядом.

– Я хочу, чтобы ты знал: то, что я говорю, я говорю в трезвом уме и твердой памяти.

На короткую секунду в голубых глазах мелькнуло удивление.

Сердце грохотало.

– Ровно через две недели я отдам тебе нож. В твое полное владение, и сделаю это добровольно.

Руки на руле напряглись; я увидела, как побелели костяшки пальцев.

Боже, как ему это важно...

Теперь он буравил меня взглядом, жег им, полосовал, раздирал на части, пытаюсь выдрать из мыслей продолжение фразы. На мощной шее запульсировала жилка.

– Я обещаю, что сделаю это. Если хочешь, я подпишу любой документ, который подтвердит мои намерения. В этом случае, даже если со мной что-то случится, нож через две недели станет твоим. Хорошо?

Никогда в жизни я не видела такого количества эмоций, бушевавших во взгляде человека, как сейчас. Мощный, слепящий огонь надежды и тень страха, исказившие лицо. Неистовое желание получить нож обратно и неверие, что это наконец произойдет. Ни один взгляд на моей памяти не был столь давящим, столь пронзительным, столь напряженным.

Всего лишь за секунды атмосфера в салоне изменилась с тихой и ленивой на бушующую, пропитанную вихрями взметнувшейся в ожидании энергии.

– Я подпишу, – еще раз кивнула я и сжала сумочку.

Водитель осторожно, будто с трудом управляя собственным телом, разжал пальцы и медленно втянул воздух. Затем разжал губы и спросил:

– Что ты хочешь взамен?

Наши взгляды в очередной раз схлестнулись, и мне вдруг стало жарко. Сознание будто размякло, впиталось в происходящий момент и застыло в нем.

Вот это напор...

– Ничего.

Почти ничего.

– Просто приезжай по вечерам, общайся со мной. Побудь рядом, ладно?

Он смотрел на меня и не верил. Я видела это. Не верил, потому что желание показалось ему слишком странным, почти глупым.

Ну и пусть.

– Хорошо. Я сделаю так, как ты скажешь.

Я медленно опустила голову и выдохнула с облегчением. На секунду прикрыла глаза, пытаюсь унять все еще скачущее галопом сердце. Затем повернулась к нему, несколько секунд наслаждалась смятением, царившим в безучастном обычно взгляде, а теперь уступившим место почти безумному блеску, и улыбнулась.

– Бумагу составишь сам. Я подпишу.

Он откинул голову на подголовник и прикрыл глаза. Пальцы вновь сжались на рулевом колесе с такой силой, что пластмасса скрипнула. Мне показалось, что ему тяжело дышать. Мощная грудь поднималась и опускалась неравномерно, почти рывками.

Всё, ставки сделаны. Однажды подарив человеку надежду, слишком бесчеловечно ее отнимать. Так что я подписалась.

* * *

Адвокат Хью Декарт, высокий, одетый в костюм-тройку мужчина с черными редкими волосами, прокашлялся.

– В договор внесены все пункты, которые, даже в случае если клиент изменит решение после подписания, позволят вам стать полноправным владельцем заявленного предмета. Здесь подробно разъяснены и оговорены все моменты: на случай кражи, потери, отказа от выполнения обязательств, форс-мажорных обстоятельств и смерти. Документ заверен сегодняшней датой и вступит в силу начиная с этого дня, даже если будет подписан завтра.

Декарт деловито положил эксклюзивную, именную ручку в раскрытый кейс, лежащий рядом с ним на софе, и выжидательно посмотрел на двух мужчин, склонившихся над бумагой. Перечитав лежащий на кофейном столике договор несколько раз, Дэлл поднял глаза.

– При каких условиях Комиссия может счесть его недействительным?

Адвокат покачал головой.

– Ни при каких, если клиент подпишет его в присутствии вас и двух свидетелей.

– Хорошо. Благодарю вас за помощь.

– Рад быть полезным. Если понадобится...

– Да, у меня есть ваш телефонный номер.

Декарт с удовлетворенным видом захлопнул кожаный кейс, поднялся с места и вежливо кивнул мужчинам.

– Мистер Аллертон, мистер Одриард, имею честь.

– До свиданья, Хью.

– Всего доброго.

Когда один из лучших адвокатов Уровня, приглашенный, а точнее, вежливо, но настойчиво оторванный этим вечером от дел, чтобы помочь в составлении документа, покинул гостиную, Дэлл посмотрел на друга. Мак дотянулся до бутылки, стоящей в центре стола, и разлил виски в два стакана.

– Что ж, осталось дождаться завтрашнего дня.

За окном царилась ночь. Взгляды мужчин встретились, в них читалось одно и то же желание: сейчас же прыгнуть в машину, прихватить с собой второго свидетеля и понестись к Солару. Но часы над камином показывали начало двенадцатого – слишком поздно для гостевого визита. Да, дело важное, но, если надавить слишком сильно, результат может получиться обратным, не тем, каким хотелось бы и каким он должен быть. И Дэлл, отвечая на немой вопрос Мака, покачал головой.

– Не сегодня. Завтра.

Тот шумно вздохнул и откинулся на спинку кресла. Глотнул виски.

– Думаешь, она подпишет? – задал он вопрос, который за последние два часа смотал нервы его коллеги в ошипанный клубок пряжи.

– Не знаю. – Дэлл качнул головой. Казалось, дрожь сотрясала не только пальцы, но и внутренности, прожаривая их волнами высоковольтного напряжения. Он на секунду прикрыл глаза, стараясь совладать с непривычной нервозностью. – Не знаю.

– Если она этого не сделает... – темные брови Аллертона нахмурились, а взгляд сделался тяжелым, почти жестоким. – Это добьет тебя. И тогда...

Одриард усмехнулся.

– Не надо, Мак. Не сейчас.

И удивился, когда смог донести бокал до рта, не расплескав виски.

* * *

Лежа в постели, я наблюдала за бликами на бетонной стене, безмолвно взирающей в окно, – под светом уличного фонаря раскачивалось на ветру дерево.

«Побудь рядом, ладно?»

«Я сделаю, как ты скажешь».

Только не соскользни, только не оступись, шагнув в пропасть. Слишком легко поверить в иллюзию, в то, что однажды он придет по собственному желанию. Это обещание. Вынужденное. Полученное в обмен на заверение отдать нож.

Впереди две недели притворства, спектакль для двоих, где один будет делать вид, что наслаждается присутствием «друга», а второй – поддерживать видимость общения вежливыми кивками. Игра актеров. Не более.

Чувствуя ноющую боль в сердце, я закрыла глаза.

Маленькая Меган, не обращая ровным счетом никакого внимания на мои тревоги, увлеченно расставляла на полу пустой комнаты игрушки. Складывала кубики, притворяясь, что не слышит моих мыслей, деловито и сосредоточенно возила паровозик и что-то напевала себе под нос. В ее взгляде застыла решимость.

Глава 4

Если бы на следующий день кто-то попросил меня назвать первое пришедшее в голову слово, я бы тут же выпалила «зеркало», потому что мыслями именно об этом предмете терзалась больше всего. Обязательно после работы надо забежать в супермаркет, и не в тот, что на углу, а в большой, вверх по улице, в трех кварталах от работы, и купить любое зеркало и хотя бы тушь для ресниц. Плевать на расходы, когда такое дело...

Коллеги косились на мои блестящие глаза с подозрением, а мой вопрос «нет ли у нас еще дополнительных заказов?» заставил Тони усмехнуться. Обычно я не рвалась вскрывать замки, но теперь требовалось экстренно подзаработать: счастливо выпавшие на мою долю две недели хотелось провести так, чтобы в памяти, помимо слов «не могу себе позволить», осталось что-то еще. И если уж развлекаться, то не просить ведь нового знакомого покрыть все расходы? Нет-нет. Придется самой.

Перебирая бумаги и радостно мурлыча, я пыталась припомнить, не говорил ли Саймон во время последней встречи, что собирается уезжать. Вроде бы нет. А если так, то стоит на днях (завтра?) забежать и к нему, позаимствовать парочку красивых вещей, которые тот неизменно предлагал, стоило нам увидаться.

Саймон Гаррет, дизайнер одежды (и абсолютный гей), появился в списке моих друзей почти два года назад, после того как я в составе «Кину» помогла спасти от пожара склад с новыми образцами, подготовленными для показа. Если бы не своевременное вмешательство спасателей, успех, возможно, никогда не пришел бы к Гаррету: именно тот показ, состоявшийся благодаря нашим усилиям, проложил молодому и неизвестному дизайнеру красную ковровую дорожку на олимп, к славе.

С тех самых пор Саймон считал честью принимать меня у себя в гостях. Обожал поить эксклюзивным чаем, делиться последними новостями, показывать новые эскизы, шутить и примерять на меня новые модели платьев и блузок. Он бы давно выставил меня и на подиум, если бы не малый рост – метр семьдесят два никак не дотягивал до нужных метра восьмидесяти. Стандарты, черт бы их подрал... Они порой хуже бюрократии.

Не то чтобы я мечтала о подиуме – все-таки вспышки телекамер, тонна макияжа и застывшая маска королевы стиля на лице не мое, – но заглядывать к Саймону в гости от этого было не менее приятно.

Значит, решено! Завтра. Сегодня не до гостей, успеть бы за зеркалом.

Прогулка? Кафе? Пиццерия? Кинотеатр?

Что делают люди вместе по вечерам? Они либо собираются друг у друга (исключено), либо идут куда-то (приемлемо). Вот только куда?

Пытаясь приладить на одиноко торчащий из стены ржавый болт купленное зеркало, я старательно размышляла над ближайшими планами. Ни время сеансов, ни цены на билеты я посмотреть на работе не успела, значит, кинотеатр отпадал. Пиццерия? Любит ли Дэлл пиццу? Не в бар же, в самом деле...

Когда мобильник разразился трелью, я едва не выронила зеркало из рук. Кто бы это мог быть? Тони звонил редко, только когда появлялся срочный заказ. Саймон, которому я час назад отправила сообщение о завтрашнем визите? Скорее всего. Наверное, хочет уточнить время встречи.

Поспешно водрузив зеркало на раковину и убедившись, что кран надежно подпирает его, предохраняя от соскальзывания, я понеслась в комнату. А когда взяла в руки телефон, почувствовала, как в желудке скрутился нервный узел.

Звонил мой новый знакомый. Сам.

– Алло?

– Здравствуй, Меган. Это Дэлл.

– Здравствуй. – Я судорожно перебирала причины, по которым он мог решиться позвонить сам, да еще и впервые обратился по имени.

– Ты говорила, что хотела бы встретиться этим вечером.

– Да. Как раз думала вскоре позвонить.

Я взволнованно топталась на месте, пытаюсь решить, радоваться такой настойчивости или нет.

– Хорошо. Вчера мы говорили о договоре.

Ясно. Теперь понятно почему...

– Я помню.

На том конце возникла секундная пауза.

– Ты не передумала его подписывать?

Перед мысленным взором тут же взвился красный чертик с рожками, грозно трясущий перед моим лицом кулачком и неслышно орущий о том, как много я потеряю, вернув нож.

Вали отсюда, не надо мне благ за счет чужих страданий.

– Нет, не передумала.

Чертик зло надулся и лопнул. А в голосе собеседника послышалось облегчение.

– Ты не против, если я через полчаса подъеду?

Я скомкала в трясущихся пальцах лежащую на столе бумажную салфетку.

– Подъезжай.

– Со мной приедут два свидетеля, которые должны присутствовать при подписании договора. Все займет не больше минуты. Просто подумал, что будет правильным предупредить тебя.

Я едва не охнула от неожиданности, когда осознала, что уже согласилась принять Дэлла, а значит, и его сопровождающих в своей каморке. Что же я наделала? Ведь здесь так уныло и грязно. Нужно было выбрать нейтральную территорию...

– Меган?

Тишина встревожила моего знакомого.

– Да-да, конечно... Подъезжайте. Спасибо, что предупредил.

Собеседник поблагодарил и отключился.

Проклятье! Впору было садануть себе по лбу. Ладно бы один, а то втроем... Тут же полная затхлость и нищета: ни обоев на стенах, ни красивых штор, ни люстры – только лампочка, свисающая на проводе. Какого черта я ответила согласием? Теперь не будет времени даже накраситься, потому что у меня ровно тридцать минут, чтобы превратить эту унылую захлавленную берлогу в унылую чистую берлогу.

С чего начать, с чего начать, с чего начать?!

Подмести? Вытряхнуть половик перед дверью? Вымыть полы? Еще и кровать мятая...

А-а-а-а! Взыв в голос, я принялась носиться по полутемной комнате, собирая лежащие на кровати и на стуле вещи.

* * *

– Неказистый райончик, – произнес Халк Конрад, оглядывая обшарпанные дома, валяющийся на земле мусор, облупившуюся ограду и пыльные окна. Почти разруха.

– Да уж, – подтвердил одетый в черную кожаную куртку Мак и вытащил ключи из замка зажигания.

Хлопнув дверцей, из своей машины вышел Дэлл. Кивнул друзьям – мол, это здесь, жду.

– Пойдем?

Халк кивнул.

Этим утром Дэлл позвонил ему, обрисовал ситуацию и попросил подъехать, чтобы присутствовать в качестве второго свидетеля при подписании бумаги. Надо же, той самой бумаги, которая, вот уж ни один из них не подумал бы, вскоре появится на свет. Но ведь нашелся же человек... Именно человек, а не чмо, как многие другие до этого. А что до района – значит, и в таких условиях не все еще пали на дно. Похвально.

Втроем они прошли не к подъезду, а к полуподвальному помещению, куда вела потрескавшаяся бетонная лестница, и остановились перед деревянной дверью. Одинокó смотрел на них четырьмя круглыми глазками зеленый, проржавевший от дождей почтовый ящик.

Одриард коротко взглянул на друзей и постучал.

Будучи сенсором – тренированным убийцей и психологом, умеющим работать с человеческой памятью, – Халк научился распознавать людей с первого взгляда и теперь отдал должное худощавой девчонке, сделавшей вид, что она ничуть не испугалась при виде троих мужчин, одного из которых знала едва ли, а двух других видела впервые.

Серая однокомнатная халупа, убогая, как келья монаха (хуже, вдруг подумал Халк), навела на мысли о полной нищете. Узкая кровать на металлических ножках, один-единственный стул, тусклая лампочка под потолком, проем на месте двери, ведущий в крохотный туалет. Ни кресел, ни телевизора, ни ковра на полу. Холодная, пропахшая сыростью конура. Как здесь жить?

Заметив его изучающий взгляд, хозяйка квартиры, одетая в застиранные синие джинсы и серую кофту под горло, отвернулась, сделала вид, что смотрит на небо за окном. Поджала губы, внутренне напряглась.

Он бы и сам напрягся. Халк неожиданно осознал, что за этим гордо выставленным вперед подбородком скрывается стыд. Стыд за собственную убогость, за неспособность заработать больше и жить лучше, за то, что приходится принимать гостей в подобном месте. А ощутив это, вдруг почувствовал искорку тепла.

Не стоит, девочка. Богатство – оно не снаружи. Оно внутри, однажды ты поймешь.

Дэлл тем временем передал ей для прочтения договор – два листа, скрепленных степлером и заверенных нотариальной печатью. Меган – так звали девушку, – стараясь не бросать тревожные взгляды на стоящих за спиной Одриарда гостей, принялась изучать документ.

Халк переглянулся с Маком.

Ага, говорили глаза Аллертона, мы по сравнению с ней здоровые бугаи устрашающего вида. Я бы таким дверь не открыл. Конрад мысленно с ним согласился. Их троих хватило для того, чтобы в камерке стало чрезвычайно тесно.

Пока Меган читала документ, Халк внимательно наблюдал за ее сосредоточенным лицом. Молодец, вникает в детали, не подписывает все подряд, лишь бы поскорее избавиться от дискомфорта, который привнесли в ее крохотный мирок присутствующие. Умеет сосредотачиваться, абстрагироваться, когда нужно. Хорошая выдержка.

Через несколько секунд его взгляд автоматически пробежал по худой фигуре, волосам, обуви, рукам, снова вернулся к лицу. Довольно симпатичному, следовало признать, лицу. Да, без косметики и, наверное, слишком серьезному, но все же приятному, притягивающему взгляд.

Ее бы одеть по-другому, сводить к стилисту, и тогда Дэлл, глядишь, запал бы...

Да уж... Дэлл в ближайшие лет десять вряд ли теперь на кого-нибудь западет, одернул себя Халк. Скорее, будет как одержимый наслаждаться свободой, впитывать ее, как иссохший от засухи баобаб. Его можно понять...

В этот момент девчонка, судя по лицу, дочитала до пункта «В случае отказа вернуть указанный предмет в обозначенный срок к клиенту могут быть применены меры физического

воздействия, такие как: насилие, нанесение физического ущерба и обыск собственности. В случае утаивания сведений о местонахождении одного клиент будет подвержен дополнительным мерам принудительного получения информации...».

Халк читал договор утром; Декарт составил его максимально точно и жестко. Возможно, слишком жестко. Такие формулировки могли бы отпугнуть даже мужика, а уж девчонку...

Дэлл тоже заметил, как изменилось лицо Меган, и напряженно застыл. Мак перенес вес с ноги на ногу и затих, пристально глядя на хозяйку квартиры.

Та, дочитав пункт до конца, подняла глаза и посмотрела – но не на них, а почему-то в окно. И улыбнулась.

У Халка от этой улыбки что-то перевернулось внутри.

Не должно быть такой улыбки у девчонки, нет. Может быть, у мужчины, привыкшего к унижению, к тяготам жизни, с горечью осознающего, что никто не поможет, но только не у девчонки. А когда Меган бросила почти веселый взгляд на Дэлла, будто говоря ему: «Конечно, кто бы думал, что будет иначе?..», у Халка в груди неприятно сдавило.

Ведь это они пришли к ней с просьбой, а не она к ним. Договор хоть и был важен Дэлли как никакой другой, все же откровенно угрожал зловещими пунктами. А она улыбалась и, Халк видел, была готова к последствиям в случае нарушения одного из них.

Как будто привыкла. К плохому.

Легкий кивок – ей в руку легла протянутая ручка. Скрип наконечника о бумагу, и летящий, изящный в своей беззаботности росчерк готов. Будто не несла в себе страшных слов эта бумага.

Халк медленно выдохнул, наблюдая за тем, как Дэлл ставит свою подпись.

Что-то было странное в этой Меган... В ее веселых и одновременно грустных зеленых глазах. Таких наивных и таких по-взрослому уставших от жизни.

«Если он оставит ее, она простит. Она простит и его, и жизнь, и пощечины от судьбы, а когда будет умирать, стоя по колено в снегу, будет смотреть на свободно кружащих в небе птиц. И не обвинит ни одного из нас».

Халк уперся взглядом в пол. Ему вдруг стало тяжело смотреть ей в лицо.

* * *

Не отдашь сама – мы тебя изобьем, а нож заберем. Вот о чем в общих чертах гласил договор. Что ж, я подписала. А нож отдам. До избиения или пыток, поди, не дойдет.

Внутри появилось двойственное чувство. Я так рассчитывала на приятный вечер в компании, а теперь почему-то мечтала снова остаться одна. Погрустить, пережить очередную обиду, пересидеть тоску. Какая ирония.

Двое свидетелей уже покинули квартиру, остался только Дэлл. Хотелось послать к черту и его тоже. Всё? Все увидели, какая я убогая? Получили подпись? Проваливайте, не унижайте своим «спасибо», дайтелизать раненое эго в одиночестве, которое в избытке присутствовало в моем прошлом и, чувствую, до краев наполнит будущее.

Тот, что с серыми глазами, – пронизательный у него был взгляд. Даже сочувствующий. А сочувствие бьет сильнее злого слова, так что лучше бы не надо...

На какой-то момент я совсем забыла, что не одна в комнате, – произошедшее меня сокрушило, я оказалась не готова к нему. А когда повернулась, увидела, что гость молча смотрит на меня. Тоже с сожалением?

Я сжала кулаки.

Неужели после этого – в бар? Или пиццерию? Увольте. Смотреть, как он мучается, выжидая, пока эти две недели наконец пройдет и он окажется полностью свободен на этот раз от

меня? Глупой девчонки, имевшей несчастье что-то почувствовать, глядя на его красивое лицо? Я не первая и не последняя... Просто одна из множества дур, поверившая непонятно во что.

Между нами повисла давящая тишина. Неуютная и глухая.

– Куда бы ты хотела пойти сегодня?

Услышав вопрос, я почувствовала странную боль в груди.

Подписанная бумага испарилась. Вероятно, ее забрал с собой один из его рослых друзей.

Красивые все-таки у него губы. А эти глаза – они затянут меня в иллюзорный рай, а затем безжалостно столкнут с облаков прямо на острые камни внизу. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы предугадать дальнейшее развитие сюжета. Я наивна, но не глупа. Быть может, иногда, но уж точно не сегодня.

– Выбирай место, я отвезу...

Он говорил что-то еще, но я уже не слушала. Не обращая внимания на звучащие позади слова, подошла к стулу и открыла сумочку. Несколько секунд стояла, глядя на нож, чувствуя дрожь в руках, затем крепко зажала в ладони холодную рукоять и вернулась обратно.

Тот, увидев, что именно я держу в руках, замолчал. Как отрубил.

Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза без слов. Его рот приоткрылся, а в глазах застыла растерянность. Надо же... приятно. Значит, не разучилась я еще удивлять.

– Забирай, – тихо, но твердо сказала я.

Он стоял и смотрел на нож; опущенные руки подрагивали, будто Дэлл старался их удержать на месте.

– Не нужно этих двух недель. Обойдусь. Я передумала.

Лезвие подрагивало в моих дрожащих пальцах, отражая тусклый свет лампы.

Скорее бы уже... Как больно. Но потом будет гораздо больнее.

– Забирай!!! – это слово я выкрикнула зло, вложив в него всю боль, которую чувствовала.

Стоять перед ним с ножом было все равно что дополнительно унижаться. Почему он не берет? Зачем я протягиваю этот нож, словно собственные ладони за милостыней?

В голубых глазах напротив бушевал ураган, но рука за ножом не тянулась.

Черт бы его подрал!

И когда я уже была готова швырнуть злополучный предмет в стену – пусть сам за ним бежит, если захочет! – Дэлл медленно поднял руку и взял нож.

Мой мир треснул по шву. Всё.

Сейчас захлопнется дверь, и настанет гробовая тишина. И, наблюдая за тем, как маленькая Меган сидит без движения, уставившись сухими глазами в окно, я буду размазывать сопли, глядя на зареванное отражение в купленном сегодня зеркале.

Я на секунду прикрыла глаза, а когда открыла их, увидела, что Дэлл положил нож на край стола, затем вернулся и застыл напротив.

– Ты отдашь мне его через две недели, – произнес он ровно. – Две недели. Как и договаривались.

– К черту две недели! Зачем тебе ждать? – взорвалась я. – Забирай его и проваливай, чтобы духу твоего здесь не было!

– Меган...

– Иди к черту! Не нужны мне подачки. Обойдусь без твоего сочувствия!

– Меган! – вдруг повторил он со сталью в голосе, и я осеклась. Осыпалась. Неожиданно устала. И отвернулась к окну, чтобы не видеть его пронизывающего взгляда.

Что он еще здесь делает? Почему до сих пор не ушел? Ведь пять минут уже как мог быть полностью свободен.

– Иди, Дэлл. Я не буду больше звонить. Живи своей жизнью.

Я развернулась, чтобы уйти, но мое запястье вдруг перехватила рука. Теплая, жесткая. Я с удивлением посмотрела на то место, где вокруг моей кожи сжались мужские пальцы, затем подняла глаза.

– Ты чего? Отпусти.

Прикосновение не порадовало – слишком грубое. Внутри стало гадко, хотелось плакать.

– Я могу пригласить тебя на чашку кофе?

Я едва не рассмеялась ему в лицо.

– Не стоит. Ты мне ничего не должен. Иди, тебя друзья ждут.

– Меган...

– Уходи, Дэлл.

– Одна чашка кофе.

Теперь в его голосе появились незнакомые нотки, а в глазах застыло странное выражение. Он просил... просил сам. Но зачем?

– Пожалуйста, – произнес он тихо, и мне показалось, что огромный мощный зверь, неожиданно получивший свободу и до того бушевавший на вольных просторах, вдруг вернулся к тому, кто открыл засов вольера.

Кофе? Он шутит? Я и он, сидящие за чашкой кофе. Но зачем? Чтобы он все-таки смог сказать «спасибо»? А надо ли оно мне?

– Пожалуйста.

Это было второе «пожалуйста». Почти магическое. На короткую секунду я увидела в его глазах что-то, напоминающее тоску, смешанную с болью, и еще сильнее расстроилась.

Наверное, он действительно не хотел меня обижать этим договором, просто должен был его привезти, должен был знать, что бумага подписана, что свобода уже близка. А пункты... Да мало ли какие бывают люди, ведь сразу не разобрать, кто гад, а кто святой.

А если бы тот бородач в сердцах швырнул в меня шариковой ручкой, не позволив сказать «спасибо», каково бы мне было? Наверное, было бы грустно. Да, хотелось бы поскорее оказаться на свободе, но все равно было бы грустно оттого, что я не смогла уйти как полагаются, по-человечески.

Что ж, стоит позволить человеку отблагодарить, если ему так хочется. И уж что-что, а чашку кофе этим вечером я точно заслужила.

– Хорошо. Только у меня нет красивой одежды, и я не успела привести себя в порядок.

Дэлл улыбнулся. И от возникшего в его глазах тепла вдруг стало хорошо. И трещины заросли, и осколки внутри вдруг собрались, и небожители почти запели.

– Мы выберем непритязательное к внешнему виду место. Я буду ждать в машине.

Только теперь он отпустил мое запястье.

Все еще оглушенная поворотом событий, я смотрела, как он идет к двери, как открывает ее и как выходит во двор. Нож остался лежать на краю кухонного стола.

Я и он – мы едем пить кофе.

Все почти так, как планировала с утра.

Почти.

Окончательно запутавшись в своих ощущениях, я опустила голову и устало потерла лоб.

В кафе было тепло и немногочисленно. Пахло кофе и чем-то сладким.

– Может быть, десерт?

– Нет, спасибо.

– Сахар?

– Я пью черный.

– Всегда черный? Может, сливки?

Она замялась.

– Да, было бы хорошо. Спасибо.

Он заказал один капучино и один дарк гранде и на всякий случай придвинул к ней салфетки.

Принесли кофе.

Меган смутилась, увидев нарисованные на пенной шапке сердечки – должно быть, официант по привычке, взглянув на пару «мужчина-женщина», попросил добавить рисунок, – взяла маленькую ложку, быстро размешала пену. Белесая шапка потонула в однородной коричневой массе. Шоколадные сердечки растаяли.

Разговор не ладился.

Дэлл бросил ничего не значащий комментарий об интерьере – она кивнула. Спросил о погоде – ответила коротко. Попытался вспомнить былые времена – удалось: какое-то время развлекал историей из прошлого, когда в подобном кафе официант перепутал заказы и вместо сэндвича поставил перед ним воздушный торт «Клубника со сливками», после чего посетители молча и единогласно решили, что он гей. Меган улыбнулась – коротко, сдержанно. Стараясь не смотреть ему в лицо, отпила капучино, поставила чашку на стол, бросила на нее раздраженный взгляд, будто сетуя, что кофе всё не заканчивается.

Дэлл откинулся на стуле, сцепил руки, задумался.

Почему эта странная девчонка так себя ведет? То просит о близости, то отдаляется в другую галактику. Глядя на кинотеатры, напоминает восторженного щенка, а читая серьезные договоры, улыбается грустно и понимающе, словно застывший на далекой горе памятник божеству, тропинка к которому заросла бурьяном.

В ее глазах ни разу не вспыхнул алчный огонек, а с языка не сорвалось лишней просьбы. Она стала первой и единственной, кто, услышав о его проклятии, пожелал вернуть нож. И вернула бы. Если бы он взял.

Но он не взял.

Почему?

Дэлл и сам не мог ответить на этот вопрос. Вот только неправильно было бы так уходить: прогнанным, выставленным за дверь, неблагодарным, подарившим боль тому, кто подарил свободу.

Да, он бы хотел отблагодарить, но как? Дать денег? Спросить, не нужно ли ей чего, и привезти это? Он был готов дать все, кроме дружбы и того, во что она могла перерасти. Нет, симпатии не рождаются из просьб, не рождаются они даже из чувства благодарности или при взгляде на привлекательное лицо. По крайней мере не у него, Дэлла. Слишком много плохого оставлено позади, и оно еще не отсохло, не отвалилось, не прекратило болезненно жечь разум. Он больной. Психически нездоровый, покореженный, исковерканный. Он не способен адекватно реагировать на мысли о близости. Поэтому – нет. Все что угодно, но только не это.

– А те, что приезжали с тобой, – друзья?

Видимо, затянувшаяся пауза напрягала не только его.

– Да. Коллеги. И друзья.

Меган кивнула. Не стала спрашивать, все ли в отряде Дэлла убийцы. Догадалась сама.

– А кем работаешь ты? – спросил он для приличия, зная ответ.

Взгляд настороженный, как у зверька.

– Секретаршей.

И снова единственное слово в ответ. Не разговорить, не вытянуть сути, не услышать лишнего.

Меган ассоциировалась у Дэлла с покупателем дома, пришедшим посмотреть на убранство, но по какой-то причине вдруг передумавшим заключать сделку. Вот он походил в бахилах по коврам, огляделся, осмотрел зал, но подниматься на второй этаж или оглядывать террасу

не стал – сразу же поспешил к выходу, стараясь ничего не задеть, не примять, не наследить. Да, аккуратный такой покупатель. Тихий, вежливый и совершенно непонятный.

Так же и Меган – отвечала коротко, будто опасаясь сказать лишнее, вовлечься, почувствовать интерес. Если отброситься пустыми фразами, кивнуть, а где-то вообще промолчать, то можно уехать домой целой, неизменной, не допустившей внутрь.

В какой-то момент в нем вспыхнул забытый азарт – попробовать разговорить? расслабить?

Его взгляд упал на ее ладони, сжимающие белую фарфоровую чашку, на тонкие пальцы с короткими ногтями.

Такие бы не оставили шрамов...

У Лолы были накладные ногти: длинные, острые, раскрашенные безобразным сочетанием ярких, кричащих цветов, с наклепленными поверх стразами. Вульгарные, почти шлющечьи. Вероятно, дань моде.

Каждый раз Лагерфельд – врач отряда – качал головой, залечивая отметины на его спине. И молчал, не задавал ненужных вопросов.

Новая встреча – новые шрамы.

Иногда она приводила в дом таких же немолодых, разодетых в дорогие шмотки подруг. Из того же сословия, к которому принадлежала сама, – сливки общества, элита, бомонд. Кучу старух, превращенных хирургическими методами в безобразные нафталиновые куклы, щедро осыпанные пудрой и залитые вызывающими тошноту духами. А когда он недостаточно хорошо, по ее мнению, играл в их присутствии свою роль – «Принеси нам еще чаю... встань на колени... поцелуй мою руку», – била по лицу перчатками. Но это позже, в темном коридоре, когда все расходилось. Тогда спесь слетала с нее, обнажая неприкрытую злость.

Дэлл вздрогнул и подумал, что ненавидит накладные ногти. Поднял голову, встретился с ровным взглядом Меган, изучавшей его лицо, и чуть виновато улыбнулся.

– Извини, задумался.

– О чем?

Хороший вопрос. Наверное, о том, что с тех пор как Лола умерла – он узнал об этом от одной из ее подруг, случайно встретив на улице: «А вы еще не слышали? Какой ужас! Вчера она захлебнулась рвотными массами в собственной ванной! Я говорила, не следует пить неразбавленный джин и курить иланский табак одновременно, но она никогда не слушала!», – он ни разу не просыпался по утрам с эрекцией.

А может быть, он задумался о том, что до сих пор не понимал, каким именно образом его рабовладельцы теряли нож? Такой ценный, по их мнению, предмет. Лишь в двух из шести случаев Дэллу это было доподлинно известно: все имущество Лолы после ее смерти было куплено неким Адриано Равом, который отдал большинство ее вещей в центр обслуживания малоимущих. Именно так и получил нож предпоследний владелец – пьянчужка Эд, через неделю проигравший Дэлла в покер местному барному вышибале. Возможно, история с того момента могла бы закрутиться иначе, но вышибале, не поверившему пьяному посетителю, твердящему заплетающимся языком какую-то ерунду о «рабе», хватило одного взгляда на стоящего возле машины бугая-Дэлла, чтобы зло сплюнуть на землю и зашвырнуть нож в кювет.

Тот самый кювет, в котором его и нашла сидящая напротив девушка.

Дэлл понял, что вновь затянул с ответом.

– О разном.

И поймал себя на мысли, что он ничем не лучше нее: отвечает односложно, увертками, лишь бы не спровоцировать новых вопросов.

Меган отвернулась и какое-то время молчала, глядя на взбивающих пену в металлической кружке барменов. Пронзительно свистел под давлением в трубке горячий воздух. Затем повернулась и неуверенно закусила нижнюю губу.

– Скажи, а в эти две недели я имею право тебя о чем-то просить?

Дэлл, начавший расслабляться, вновь непроизвольно напрягся. Заставил себя кивнуть:

– Да. Эти две недели я все еще твой «раб».

Сказал и словно заledenел внутри. Еще две недели.

Зачем? Ведь мог бы уйти уже сегодня. Идиот.

Меган уловила его эмоции; в ее зеленые глаза вернулась усталость. На мгновение кольнул стыд, но тут же пропал. Она не такая, она лучше. Но Дэлл отвык от нормальных людей. Протянуть бы еще четырнадцать дней, а потом – свобода.

– Отвези меня, пожалуйста, домой. Отсюда далеко пешком.

– Конечно.

Наблюдая за ее худощавой, почти хрупкой фигурой, шагающей впереди него вдоль прохода, Дэлл вновь почувствовал странный интерес: почему она не пользуется тем, чем могла бы? Почему выстроила вокруг себя стену еще выше, чем его собственная? Почему не скажет лишнего слова, будто старается не наследить на его полу, не оставить ни единого мазка на холсте его жизни?

Можно, конечно, забыть.

А можно попытаться узнать. Ведь впереди еще четырнадцать дней.

«Тринадцать, – поправил он себя. – Уже тринадцать».

* * *

Если бы не продолговатая лампа над раковиной, кухня бы полностью утонула во мраке, но Дэлл не стал зажигать свет. Прошел к холодильнику, распахнул дверцу, отыскал глазами пачку апельсинового сока и налил его в стакан. Поставил пачку на место, сел за кухонный стол. Задумался.

Интерес, спонтанно возникший к Меган в кафе, не угас – продолжал тлеть, словно уголек, покрытый слоем пепла.

Может, то был вовсе не интерес, а нормальное человеческое желание отблагодарить, и он просто-напросто отвык от человеческих желаний, начал принимать одно за другое? Как бы то ни было, а воспоминания о сегодняшнем вечере царапали, как царапают кожу щеки перья, торчащие из подушки.

Все, свободен – он до сих пор не мог ни поверить, ни до конца осознать. При любых условиях свободен: Мак забрал договор и надежно его сохранит. Тринадцать дней, и можно будет расправить крылья, взлететь, размять затекшие плечи и устремиться вверх, к небу, к солнцу. Всего лишь тринадцать вечеров в компании девчонки... «...С грустными глазами», – вдруг подумал он и запнулся; прежняя мысль оборвалась.

Дэлл, глядя на темный дверной проем, ведущий в столовую, отпил сок, осторожно, чтобы не стукнуть, поставил стакан на деревянную поверхность стола.

Хорошо. Он не может ей дать близости, но она и не просила о ней. Но что-то человеческое он дать так или иначе может. Например, подарить улыбку, кусочек тепла или какую-то вещь. Ведь у него есть деньги. Почему бы не использовать их? Да, через две недели он уйдет – это придется еще раз объяснить, если понадобится, – но кто сказал, что оставшиеся вечера должны пройти так же тускло и уныло, как сегодняшний?

Уголек в душе, не затоптанный грубой подошвой, разгорелся ярче – задымил, закоптел. Нужно разговорить Меган, узнать, что ей интересно, что она любит.

Тускло поблескивали в полумраке ряды висящих на стене поварешек, которыми Дэлл никогда не пользовался. Повара он так и не нанял – зачем повар, когда не принадлежишь себе и не знаешь, появишься ли вечером дома? А за кухонную утварь спасибо декоратору, решившему, что уют – неотъемлемая часть любого хорошего дома. И теперь этот самый дом, уютный, но чаще всего пустой, взирал на сидящего на кухне мужчину сонными глазами, не прислушивался к его мыслям, почти спал.

А внутри Дэлла мягко кружила радость. От близкой свободы? От принятого решения? Оттого, что в душе наконец проснулось что-то человеческое? Или от всего вместе?

Он не стал анализировать, просто сполоснул стакан, поставил его на сетчатый поддон, вытер руки полотенцем и вышел из кухни.

...Дэлл бы удивился, если бы узнал, что в этот самый момент лежащая на узкой кровати в тихой полуподвальной комнате Меган пришла к похожим выводам. Да, они – два идиота, решившие, что должны видеть друг друга на протяжении двух недель. Но если уж так вышло, то почему бы не провести время для души, радостно, а не как сегодня?..

Чувствуя непривычное облегчение, Дэлл расправил кровать, скинул одежду и с наслаждением вытянулся на прохладных простынях.

На тринадцатом, закутавшись в тонкое одеяло, улыбнулась Меган.

Где-то наверху, над тяжелыми облаками, неслышно зазвенели колокольчики.

Глава 5

– Саймон, я не буду это носить!

– Но почему?

– Потому что это три лоскута серебристой ткани и одна бретелька!

– Это платье из новой коллекции!

– Может быть. Но я все равно не буду.

– Вредина!

Зашуршали передвигаемые по металлическому поручню плечики с одеждой.

– А это?

– Леопардовые штаны с блестящими звездами?! – Я нервно сглотнула, представив себя в подобном наряде.

Саймон обиделся. Надул красивые, как у стоящего позади него манекена, губы и откинул со лба длинные темные пряди. Сложил руки на груди.

– Это же с последнего показа! Еще и твой размер.

– Симми, – именно этим ласковым словом я звала друга, когда тот обижался, – они... великолепны. Но это совсем не то, что мне нужно.

– Правда великолепны?

– Конечно! Изумительные цвета, модный фасон, просто шик.

Если что и могло прогнать тучи из настроения молодого дизайнера, так это похвала – в яркие бирюзовые глаза тут же вернулся веселый огонек.

– Слушай, Мег, ну-ка, рассказывай! – Он подсел в соседнее кресло. – Кого ты нашла? Наверное, он большой, красивый, сильный, весь из себя представительный, галантный и... сексуальный?

Я рассмеялась в голос: он, вероятно, только что описал собственную мечту. Ароматный кофе, залитая солнечным светом комната, одновременно примерочная и кабинет, ворох пусть и неподходящей, но все-таки одежды, и улыбающийся напротив друг сумели поднять мое настроение на наивысшую за последнюю неделю отметку. Забылось утро, наполненное телефонными звонками и грызней с коллегами, забылся полдень и часы, проведенные перед монитором. Сегодня пришлось много читать про новый замок – именно такой стоял на следующей двери, которую требовалось открыть; Тони торопил – клиент уезжал в отпуск на выходных, а привычными отмычками и пластинами не обойтись, придется заказывать новые керамические магниты и много практиковаться. Значит, пора бы заглянуть к старине Чаку... Когда всем этим заниматься, если в ежевечернее расписание теперь включен Дэлл?

Эх, один раз живем. Придется научиться совмещать несовместимое и утрамбовывать все в выданные жизнью на день двадцать четыре часа.

– Так кто он? Твой новый знакомый?

Ухоженные пальцы аккуратно взяли с блюда ложечку и неторопливо помешали кофе. Ногти с маникюром – не чета моим.

– Просто друг. Ничего особенного.

Сердце при этих словах учащенно забилося.

– И тебе нужна одежда? Какая?

Саймон – манерный, пахнущий приятным одеколоном – на самом деле был пронизательным парнем, и теперь его взгляд сосредоточился на моем лице.

– Одежда и обувь. На пару недель. Все, в чем можно ходить на улице: в кино, кафе, погулять...

– Понял. Упакую, отправлю тебе на дом через час.

– Спасибо.

Ощущая мою неловкость, он тепло улыбнулся.

– Брось. Я рад, что могу что-то для тебя сделать.

– Скажи, сколько...

Он перебил – взгляд сделался серьезным:

– Еще раз услышу разговор о деньгах – будешь носить леопардовые штаны в течение недели. Не снимая!

Мы одновременно расхохотались. Неловкость рассеялась. Отставив кофе, я с наслаждением вытянулась в мягком кресле и посмотрела на друга.

– Шикарные у тебя золотистые пряди в волосах!

– Нравится? Давай тебе такие же сделаем! Это всё Энди, это он предложил, гад...

Ни один другой человек не смог бы наполнить слово «гад» таким количеством тепла и любви, как это только что сделал Саймон.

Я улыбнулась, расслабилась, вытянула ноги и приготовилась слушать очередную байку из жизни под названием «Я и мой стилист». Взяла с блюда мягкое шоколадное печенье, с удовольствием покатала на языке ягодную начинку и зажмурилась.

Иногда жизнь удивительно хороша!

* * *

Через час моя квартира сделалась похожей на вещевой склад.

Три пары новых джинсов, несколько блузок повседневных и праздничных, белая шерстяная кофта крупной вязки, два кардигана, пуловер, костюм-тройка, четыре юбки, элегантные брюки, два стильных плаща, восемь (!) пар различной обуви и чертовы леопардовые штаны со звездами, глядя на которые, я скрипнула зубами.

Саймон превзошел сам себя. Он позаботился не только об одежде, но и об аксессуарах – украшениях, ремнях, шейных платках, – и даже о чулках, упаковки которых громоздились в одном из картонных ящиков. Сверху лежала сложенная вдвое записка: «Если нужно нижнее белье – только свисти! Твой С.».

Я покачала головой. Вот шутник! Если бы кто-то сейчас увидел мою каморку, то решил бы, что сюда свозят краденое: всё новое, хрусткое, свежее, разве что без бирок и ценников. Постарался друг на славу, ничего не скажешь.

Примостившись, словно нищий под зонтом уютного кафе, на уголке собственной кровати, я оторопело разглядывала «богатство», прибывшее для того, чтобы бедная одинокая девушка спешно превратилась в сказочную принцессу и покорила великолепного принца. Что за бред? Куда я пытаюсь втиснуться – в чужие джинсы, в чужую жизнь? Новая одежда не изменит старых принципов, не скроет бедность души, разве что пустит пыль в глаза прохожим.

Зря я все это затеяла.

Нахлынувшая прошлым вечером волна оптимизма тактично схлынула туда, откуда пришла, оставив после себя нарисованную на мокром песке циничную усмешку реализма. Нужен ли мне еще один вечер тягостного молчания и обрывочные разговоры ни о чем, лишь бы замаскировать неловкость? Подписанный накануне договор несколько остудил мой романтический пыл и галькой отрикошетил по стеклам розовых очков – в радужной оправе красиво блестели осколки.

Дэлл – привлекательный мужчина, но чужой и совершенно не желающий сближения. Тогда к чему все это?

Уберу я лучше вещи Саймона в шкаф и не буду никому звонить. Налью себе чаю, почитаю журнал мод за позапрошлый месяц, сделаю вид, что всё по-прежнему. Друг никогда не узнает, что я ни разу не надела присланное, а Дэлл не расстроится, если его телефон этим вечером промолчит.

Зашумел поставленный на плиту чайник; солнечные лучи осветили дальнюю стену и сваленный на кровати ворох вещей. Я принялась сооружать бутерброд.

А через несколько минут зазвонил мобильник.

На экране высветился знакомый номер без имени. Я вздохнула, несколько секунд слушала звуки мелодии, затем, пересилив себя, нажала «Ответить».

– Алло.

– Здравствуй, Меган.

– Здравствуй, Дэлл.

– Как твои дела?

– Всё в порядке.

Возникла неловкая пауза, живо напомнившая вчерашний вечер.

Зачем звонишь? Из чувства вины?

В трубке вновь заговорили:

– Хотел узнать, ты уже освободилась?

От жизни – пока еще нет.

– Да, освободилась. Вот только... – я замялась, глубоко вдохнула, бросила взгляд на пакеты с одеждой. – ...Я так и не придумала, куда можно пойти, поэтому, может, сделаем перерыв?

Звучало так, будто мы провели вместе по крайней мере года два, просыпаясь и засыпая в одной постели, и надоели друг другу до зубной боли.

Дэлл не смутился и, к моему раздражению, не ответил «отличная мысль», а вместо этого снова удивил:

– У меня есть одна идея. Я подъеду через час, хорошо?

Ответить бы «нет», да вот только кто-то чужой, орудующий моим языком, уже выговорил:

– Хорошо.

Он дал отбой.

Вот черт! Стукнуть бы себя по лбу. Куда меня несет? К новым разочарованиям? Неужели жизнь совсем не учит? Десять минут назад я приняла решение сидеть дома, а теперь почти с восторгом смотрю на обновления!

Но ведь там такие классные джинсы с золотыми пряжками... И ты так хотела попробовать новую тушь.

Я насупилась, пытаясь сдержать совершенно неуместную, на мой взгляд, радость.

Кто и для кого стал проклятием?

– Ты любишь кино?

Солнце позолотило пластик приборной панели, бросило блик на серебристые часы на запястье и застыло на щетках-«дворниках». Он притягательно пах; я сидела, словно пес, старающийся не смотреть на жирную мясную кость в чужой тарелке.

– Люблю.

Кино я действительно любила. Экран, чья-то судьба, прочувствованная на себе, вихрь чужих эмоций, пропущенный через каждую клетку. Полтора часа, позволяющие постоять в чужих калошах, поверить, что жизнь не всегда скучна, а иногда – великолепна. Любовь, чей-то взгляд, тоска, волнение, улыбка, радость, новые места, события, лица. И серость бытия исчезает, растворяется, не допущенная внутрь стенами кинотеатра.

Дэлл улыбнулся. Золотистые лучи добавили в его серо-голубые глаза тепла. Я сжала непривычно мягкую кожу белой сумочки, одной из четырех, присланных Саймоном, – она лучше всего гармонировала с белым свитером. Новые черные джинсы непривычно плотно облегли ноги, каблуки ботинок казались слишком высокими, неустойчивыми, тушь утяжелила ресницы. Отвыкла.

- В таком случае как насчет нового киноцентра «Осирис»? Ты когда-нибудь была в нем?
- Нет, только слышала. Это тот, что делает новые 4D-фильмы?
- Да, он самый. Хочешь попробовать?

Я хотела кивнуть, но вдруг спохватилась. В кармане всего двадцать долларов, и те желательно бы сохранить. А билет в сверкающий шикарный киноцентр обойдется не меньше чем в двадцать пять – тридцать.

Дэлл уловил мои сомнения.

– Все расходы на мне. Едем?

Я смущенно кивнула.

Только бы не напоминать щенка, только бы не сорваться на радостные повизгивания и не начать лизать руки.

Я не стала заходить внутрь – ждала на широких ступенях крыльца, подставив лицо теплым лучам солнца. Вокруг ходили люди – группами, парами, поодиночке. В фойе кинотеатра теснился народ, выстаивая очереди к кассам, глядя на экраны со списком фильмов, а снаружи шептала листва. Желтый цвет простреливал в зелени крон золотыми монетами – деревьям недолго осталось носить старые прически, вскоре их парики порыжеют, сохнут и облетят, оставив голые ветви торчать на фоне серого неба. Близилась осень.

Вернулся Дэлл. Обошел меня сзади, остановился напротив.

«Он возвышается надо мной, стоя ступенью ниже», – подумалось некстати.

Ветер трепал воротник его легкой серой ветровки, ерошил светлые волосы.

– Билеты есть только на девять вечера.

– Тогда, может, в другой раз?

– Я уже взял два.

– Но до девяти еще два часа.

– Мы можем где-нибудь посидеть. Поужинать, если хочешь, или выпить кофе.

При мысли о кофе всколыхнулся цинизм: снова молчать? Или два часа жевать где-нибудь салат? Что за проклятие я себе придумала – находиться рядом с красивым мужчиной и не иметь возможности с ним расслабиться...

Хотя... было бы желание, а способ найдется. Мне в голову пришла странная мысль.

– Ты пьешь за рулем?

– Я пью в перерывах между вождением автомобиля, если ты об этом.

Красивый ответ, логичный.

– Да, об этом.

Он прищурился, глядя на меня.

Ветер вновь донес запах его одеколona, действовавший на меня словно афродизиак. Сочетание трезвой головы и непреодолимого влечения к стоящему рядом субъекту никак не способствовало обретению внутренней гармонии. Так точно дальше не пойдет.

Я посмотрела поверх его плеча на утонувший в солнечном свете широкий бульвар, запруженный людьми.

– Знаешь, – я откинула предрассудки, – нам с тобой будет тяжело эти две недели, если мы не сумеем немного расслабиться в присутствии друг друга. Лично мне дискомфортно все время молчать. Я без понятия, о чем с тобой говорить и как себя вести, но мне хотелось бы это исправить. Если тебя подобное пугает, то просто отвези меня домой и не звони больше.

Вот, оказывается, как я умею посреди белого дня, да еще и в уличной толпе. Ужас... Совсем как вредная бабка-отшельница, прожившая последние лет тридцать в лесу. С другой стороны, тратить вечера на притворство и фарс, молчать, не позволять себе лишнего слова – что может быть бессмысленнее? Либо мы станем друзьями (или хотя бы приятелями), либо нужно заканчивать впустую тратить время.

Широкие брови приподнялись, в глазах блеснуло удивление.

Какое-то время Дэлл молча смотрел на меня, будто раздумывая о чем-то. Я же в очередной раз балансировала на тонкой грани между его «да» и «нет».

– Бар? – коротко спросил он.

– Приглашаешь?

Я становлюсь хитрой.

Он усмехнулся.

– Да. Приглашаю.

– Тогда бар.

* * *

– Я предлагаю нам сыграть в игру: ты задаешь вопрос, я отвечаю честно. Я задаю – отвечаешь ты. А параллельно мы пьем. Таким образом мы узнаем друг друга лучше.

– Пить мы будем столько же, сколько и задавать вопросов? – Глаза Дэлла улыбались. По крайней мере, так казалось в полутемном узком помещении с длинной стойкой, за которой мы расположились.

Я замялась. Если объем спиртного отразит количество вопросов, которые хотелось задать, я усну даже не в кинотеатре, а на его крыльце. Если допозду.

– Э-э-э... не думаю, что у нас друг к другу так уж много вопросов, так?

На этот раз он точно усмехнулся.

Наверняка он имел в виду меня, а не себя этой усмешкой.

– Что будем пить?

Запаянное в пластик меню маленького тихого бара на углу не баловало разнообразием предлагаемых напитков: водка, коньяк, виски, пиво, вино, вариации коктейлей, но этого выбора было достаточно для поставленной цели.

– Ратана... – вычитала я незнакомое слово. – Что это?

– Мягкая валлийская водка, не такая крепкая.

– Вот на ней и остановлюсь. Ты?

– Виски.

Мужской выбор.

Дэлл подал знак бармену.

В приземистой стопке дрожала прозрачная жидкость. Я выпила ее залпом – в нос ударил букет незнакомых специй и трав, – поморщилась, выдохнула. В целом приятный вкус. Не противный, мягкий; в желудке потеплело.

Я пью в баре с мужчиной, пытаюсь узнать его лучше. Через два часа иду с ним в кино, а через две недели он уйдет. Абсурд какой-то.

Бармен негромко говорил по телефону; висели, словно колбы в алхимической лаборатории, перевернутые бокалы. Зал тонул в полумраке, телевизоры не работали, динамики на стенах молчали. Из посетителей – только пожилой мужчина, читающий газету у окна, и трое молодых людей у дальней стены, за душевной беседой методично набирающиеся пивом.

Дэлл пригубил виски, поставил стакан на стойку и вопросительно взглянул на меня.

– Ну что? Сразу со сложных вопросов?

Я замотала головой.

– Ну уж нет. Я еще столько не выпила.

– Тогда с простых?

– Хорошо. Итак, что я о тебе знаю? Тебя зовут Дэлл, ты странный парень, работаешь на Комиссию, твои друзья – накачанные мужчины устрашающего вида, а сам ты однажды где-

то оступился, за что и получил тот нож в наказание от собственного начальника. Он, твой начальник, что, бездушный идиот, чтобы наказывать таким образом?

– Хороший первый вопрос. А главное, простой. – В глазах моего спутника появились смешинки. – Хорошо, отвечу. Нет, он не идиот, но наличие души до сих пор под сомнением. А почему ты считаешь меня странным?

Тоже хороший первый вопрос.

– Потому что ты не забрал вчера этот нож.

– Тогда я согласен.

Казалось, я пьянела от его близости куда сильнее, нежели от алкоголя. Серо-голубые глаза таинственно мерцали в полумраке, красивые мужские пальцы лежали слишком близко к моим – протяни, и дотронешься. А эти плечи... боже мой...

Сохраняй разум, Меган.

– Ты ведь не живешь в Соларе, так?

– Так.

– А где?

– Это второй вопрос. Сейчас моя очередь.

Я улыбнулась.

С тобой надо держать ухо востро, друг.

– Спрашивай. Хотя не думаю, что моя жизнь тебе так уж интересна.

– Ну почему же. Должен же я понять, каких сюрпризов от тебя можно ожидать. Ты давно работаешь секретаршей?

– Почти два года. Так в каком городе ты живешь?

– Сейчас – в Нордейле.

Память попыталась натужно прокрутить географию Уровня – пусто.

– Это ведь не тринадцатый.

– И это не вопрос. А кем ты работала до этого?

Я вздохнула. Интересно, куда он клонит?

– Я работала в отряде спасателей.

– Я спросил «кем», а не «где».

– Ты всегда так точен в вопросах?

Он не ответил, лишь глотнул виски, не отрывая от меня изучающего взгляда. И почему от собственных идей страдаю в первую очередь я сама?

– Хорошо. Я работала спасателем. Может, не будем сохранять очередность, а просто поговорим?

– Согласен. Только если твои вопросы мне не понравятся, я оставляю за собой право хранить молчание.

– Договорились. Но я все равно попытаюсь выудить из тебя все ответы.

– Твое право. Приступай.

Он подлил в мою стопку ратаны и достал из пачки сигарету.

Тридцать минут спустя

– Я тебя раскусила! Ты хитрым образом пытаешься выяснить все, что я люблю. Но зачем?

Мысли заволкло приятной дымкой, время испарилось; голова и тело благодаря алкогольным парам расслабились. Бутылка ратаны наполовину опустела, и я едва сдерживалась от глупого хихиканья. Мир приобрел теплые оттенки, настроение шло на взлет со скоростью стартующей ракеты. Какой приятный бар и какой хороший собеседник...

Бармен в третий раз «повторил» дозу виски для Дэлла, но понять, насколько тот опьянел, не представлялось возможным. Все тот же спокойный прищур, та же мягкая полуулыбка, с которой одинаково легко можно дарить цветы или убивать.

– Должен же я тебя чем-нибудь отблагодарить за доброту.

– О чем ты говоришь? О благодарности за «нормальность»? Прости, но при всем желании мне было бы трудно приказывать тебе всякую ерунду или извлекать выгоду из твоего несчастья. Поверь, смотреть на чужие страдания так же трудно, как и страдать самому.

– В твоём характере есть редкие качества, Меган, хотя ты сама, возможно, не осознаешь этого.

Ой, вот только не нужно... Все мои редкие качества с лихвой компенсируются отсутствием некоторых моральных устоев. Нормальный человек не опустился бы до взламывания замков.

Я покрутила в руках стеклянную стопку, посмотрела на Дэлла и улыбнулась.

– Все равно тебе не повезло, приятель, мне ничего не нужно. А о твоей компании по вечерам я уже попросила.

– Как насчет денег?

– У меня они есть, спасибо.

– Их не бывает достаточно.

– Поверь, бывает.

– Неужели работа секретарши настолько прибыльна?

– Насколько? Ты видел, как я живу.

– Именно поэтому тебе бы не помешала некоторая сумма в подарок.

– Не помешала бы, да. Но от тебя я ее не приму.

– А что ты примешь от меня?

Какой опасный вопрос.

Наши глаза встретились, и на долгие несколько секунд я позволила себе потеряться в глазах красивого мужчины. Шикарного мужчины, от которого мой рассудок мутился.

Тебя бы я приняла целиком. Телом и душой.

– Боюсь, что этого ты мне дать не сможешь.

– Сначала озвучь.

Настойчивый ты парень. И слишком близко. А я пьяна.

– Зачем ты ходишь по тонкой грани? Это в твоём характере? Рисковое занятие, знаешь ли.

– Меган.

Мое имя в его устах прозвучало непривычно мягко, вопросительно и укоризненно одновременно. В сердце что-то дрогнуло. Маленькая Меган тут же понеслась к двери, чтобы впустить дорогого гостя.

Ох, не делала бы ты этого, лапушка...

Какое-то время я смотрела на Дэлла, в его притягивающие магнитом глаза, затем позволила взгляду соскользнуть на губы. Такие бы смяли, вынули бы остатки благоразумия за секунду, разожгли бы внутри столько огня, что гореть и гореть. Пока не сгоришь...

– Ничего мне не нужно, Дэлл.

– Скажи мне. Пожалуйста.

– Даже не думай брать меня на бордаж этим словом! Нет-нет! Второй раз у тебя не выйдет! А то одно «пожалуйста» – и я оплываю как свечка. Нет уж!

– Я хотел бы услышать.

– Нет.

– Попроси всё, о чем хочешь.

– Не буду.

– Любое желание.

Я решительно поджала губы и помотала головой.

– А я уже сам решу, смогу ли я тебе это дать.

– Шантажист. Зачем ты это делаешь? Провоцируешь меня?

– Ты лишаешь меня возможности уйти, отблагодарив.

Уйти. Это слово отозвалось в душе болью.

Да, конечно, меня заносит... Уйти. Всё верно. Почему я позволила себе на секунду забыть?

Я положила локоть на стойку и потерла лоб.

– У тебя наверняка многое просили, Дэлл. Так ведь? Чего они просили? Денег, исполнения прихотей, твоего времени, близости?

Его лицо моментально застыло, а взгляд сделался ровным как зеркало – ни слова не прочесть. Я увидела, как дрожащие пальцы достали из пачки еще одну сигарету. Вспыхнуло пламя зажигалки, отразилось в серо-голубых глазах.

Плохо. Значит, все еще хуже: вероятно, просили всё из вышеперечисленного и в гигантских количествах. Черт, а тут еще я...

Какое-то время он курил молча, глядя вдаль, мимо читающего газету мужчины, в окно. Затем залпом прикончил третью порцию виски и сделал знак бармену налить еще. На секунду – показалось или нет? – в его глазах отразилась боль. Наверное, все-таки опьянел, раз выпустил на поверхность.

Нужно срочно исправлять ситуацию!

– Видишь, а ты предлагаешь мне озвучить свои желания, – произнесла я тихо. Затем добавила нарочито бодро: – Ну, если уж так хочешь отблагодарить, то покрась мне входную дверь или прикрути почтовый ящик, а то на одном гвозде болтается. Видишь ли, мусор я сама всегда выношу, а ковры благодаря твоему скороспешному визиту уже вчера выбила. И даже продуктов купила. Так что всё, прости, но придется тебе отдохнуть.

Под конец моего монолога губы Дэлла дрогнули в улыбке, а в глазах появилась тень благодарности. За что? За то, что не стала давить? Не дала мысленно задержаться на неприятной теме?

Да без проблем, друг. Сама знаю, как тяжело тонуть в горе в одиночку, так что дай пять.

Когда Мик ушел из жизни, со мной рядом не оказалось того, кто протянул бы руку. Кто сказал бы: «Эй, ты знаешь, жизнь продолжается. Он любил тебя, а это главное. Храни о нем светлое, отпусти горечь и обиду, потому что они сожрут тебя и не подавятся, а Мик бы хотел, чтобы ты жила...» Спасательного круга не было, они погибли все и сразу – друзья и любимый человек. Остался только Чак, да и то потому, что не работал в отряде, а лишь изредка помогал с железками.

Следуя примеру Дэлла, я махнула очередную стопку валлийской водки целиком.

Дай бог забыть о плохом хотя бы на сегодняшний вечер.

К черту! Я мысленно встрепенулась и отпихнула прочь темное облако, накрывшее разум. И впервые за вечер встретила взгляд серо-голубых глаз прямо, не скрываясь и не смущаясь.

– Ты все еще хочешь честного ответа?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.